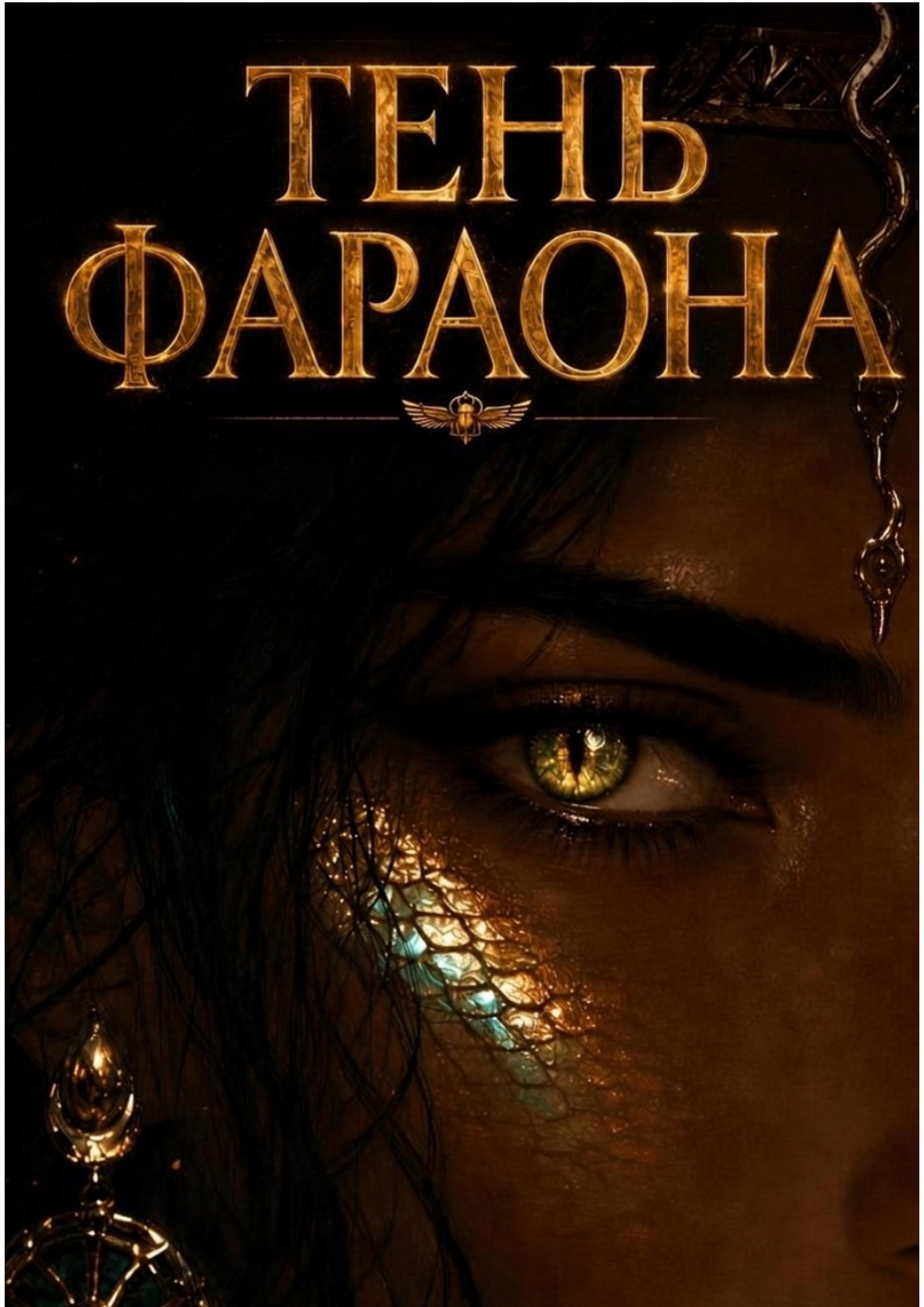

ТЕНЬ ФАРАОНА

А. Нова

Тень фараона

«Автор»

2026

Нова А.

Тень фараона / А. Нова — «Автор», 2026

Древний Египет, окутанный золотом и тьмой. В северной башне Мемфиса тринадцать лет томится Айша — девушка, в которой живёт дух богини-змеи Уаджет. Её прикосновение несёт смерть, а сила, которой жаждет сам фараон, способна обращать армии в камень. Но есть тайна, которую владыка Египта скрывал двадцать лет: эту силу будит не страх, а любовь. Когда во дворец приезжает Каир — юноша, не побоявшийся взглянуть проклятой деве в глаза, — оживает то, что спало веками. Их любовь становится и спасением, и смертельной ловушкой. Ведь фараон растил Каира для одного — принести его в жертву. Но жертва решает выбрать свою судьбу сама. История о том, что истинная сила рождается не из страха и власти, а из любви и жертвы, принесённой по доброй воле.

© Нова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	46
Глава 15	50
Глава 16	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

А. Нова

Тень фараона

Глава 1

Маленькое жилище на окраине Мемфиса, затерянное среди тесных домиков ремесленников, в этот день стало тихим убежищем, где всё будто сжалось в тревожном ожидании. За окном — жара и долгий гул города, а внутри, под самой крышей, ходил кругами запах пряностей, дешёвой шерсти и стёртых сандалий.

Айша сидела у дверного проёма, перебирая на коленях тряпичную куклу. Она чувствовала тревогу — какая-то тяжёлая, густая энергия заполнила дом, хотя мать не говорила ничего лишнего. Вещи, привычные и дорогие сердцу, казались сегодня особенно хрупкими: глиняные миски в корзинах, небольшой алтарь, ветхий детский браслет, фигурки богов. В этих предметах хранилась вся их домашняя радость — и растущий с каждым часом страх.

Мать в этот вечер была собрана, молчалива, будто её слова были тяжёлыми камнями, которые нельзя сдвинуть с места. Она не глядела дочери в глаза, а судорожно перебирала в сумке старые лоскуты и что-то крепко прятала в складках одежды.

С утра в квартале жёны и торговки обменивались необычно тревожными взглядами. Айша заметила, как мать прислушивается к тому, что происходит за дверью, и иногда задерживает взгляд на улице дольше обычного. Даже мальчики во дворе не играли так громко, внимательнее следили за каждым шагом стражи у городских ворот. По переулкам ползли шёпоты: фараон что-то приказал, люди в масках обходят дома, спрашивают — нет ли здесь особенной девочки, с меткой змеи.

Мать знала: в этот день за ними придут. Кто-то донёс слух — если в квартале не выдадут Айшу, фараон не пощадит никого. Даже разговаривать об этом матери было больно; от одной мысли пальцы покрывались потом — будь у неё хоть какая-то другая надежда, она бы боролась, но...

Айша не понимала, почему мать собирает вещи молча и почему в её движениях столько тревоги.

— Мама, — прошептала она, — почему ты сегодня такая чужая?

Мать остановилась у окна, тяжело выдохнула. Она долго смотрела на ладонь, в которой держала — прижимая к сердцу — амулет. То самое украшение-змею, которое только особые женщины этого рода носили всю жизнь.

— Подойди ко мне, — тихо сказала она и опустилась, чтобы быть на одном уровне с дочерью. — Сегодня мне нужно, чтобы ты очень хорошо меня слушалась.

Айша подошла ближе. Мать развернула амулет: золотистая змея, пронзительно холодная, с чуть замкнутым кольцом.

— Посмотри на меня, — попросила она. Айша подняла глаза. Сейчас в лице матери скрывалась тревога такого сорта, какую нельзя было объяснить словами.

— Этот амулет держит то, что есть в тебе... и во мне. Не только защищает, Айша. Он сдерживает то, что внутри тебя, чтобы оно не вырвалось, не причинило беды — тебе или людям рядом. Иногда ты чувствуешь, будто внутри становится холодно, — это тьма, что хочет проснуться без спроса.

— Он опасный? — Айша с удивлением ощутила тяжесть и дрожь в ладони.

— Он становится опасным, если ты перестанешь любить. Если позволишь страху стать главным. Своей любовью ты делаешь его сильным, а своим страхом — наоборот, слабишь замок. Обещай, что не отпустишь его ни при каких обстоятельствах, — мать сжала её ладонь

вместе с амулетом. — Если заберут — держи крепко. Верь мне. Даже если будет страшно, даже если накажут... Это сдержит проклятье.

Мать присела на корточки и заглянула дочери в глаза, чтобы сказать самое главное.

— Прости меня, Айша... Сегодня они придут за тобой. Люди говорят, что если я не отдам тебя, они будут убивать всех, дом за домом, пока не найдут. Я делаю это только чтобы не пролилось больше крови. Всё, что могу — дать тебе мой последний совет и силу нашей семьи.

Айша крепко сжала амулет. Хотела крикнуть — «я хочу остаться», но ужас и растерянность сковали голос.

Из-за двери послышался топот — солдаты, чужие голоса, тяжёлый, как осенний ливень, звук.

Стук был решительным, как удар сердца. Мать не пыталась закрыть дверь или спорить с судьбой. Она обняла, поцеловала дочь, прошептав:

— Не дай змеиному сердцу проснуться в страхе. Только любовь сможет сдержать твою силу.

В комнату ворвались люди в масках, жрецы, стражники.

— По приказу фараона, девочка будет доставлена ко двору, — голос жреца был холоден и чужд.

Мать попыталась заслонить Айшу, но её оттолкнули. В последний миг она коснулась щеки дочери.

— Я люблю тебя, — шепнула она почти неслышно. — Не отпускай амулет...

Когда чужие руки подняли Айшу и вынесли из дома, она цеплялась за последнее тёплое прикосновение и ощущение металла — крохотную змею в кулаке.

Улица встретила её зноем и равнодушием. Вокруг толпились чужие лица — никто не решался смотреть прямо, но и никто не возразил, когда стража повела девочку к роскошной повозке.

Айша смотрела сквозь слёзы на мать, чья тёмная фигура таяла в дверях. С каждым шагом сердце будто обрастало новым холодом.

Её везли через пыльный город, сквозь ряды стражников. Амулет в ладони то холодел, то жёг кожу — как будто внутри него, глубоко, ворочалась живая змея, настороженная и готовая к броску.

У стен дворца воздух стал глухим, словно весь Мемфис вдруг сжался во внутреннем напряжении, почувствовал — сейчас решается что-то особое. Её встретили жрецы, провели под роскошными воротами по каменным залам, завитым курильным дымом.

В тронном зале ждал фараон. Он был неподвижен, как изваяние, и в глаза его нельзя было смотреть долго — в них светились и тьма, и усталость, и какое-то весеннее безумие.

— Подойди ближе, — велел он, и Айша встала перед ним, хоть колени предательски дрожали.

— Отдай мне то, что держишь в руке, — потребовал фараон.

В этот миг в девочке впервые за всю жизнь взбунтовалась обида — за мать, за дом, за свободу, за страх, за жаркую, пыльную родную жизнь, которая исчезла. На миг что-то внутри её треснуло. Айша стиснула амулет — и воздух в зале словно стал тяжелее, затрепетал, лампы на стенах заиграли неровными отблесками, колонны тронули тени.

Мгновение — и дрожь прокатилась по мрамору, даже охранники отшатнулись, а по руке фараона пробежал невидимый холодок. Лёгкая вибрация будто прошла сквозь стены, а все жрецы побледнели.

— Достаточно! — рявкнул фараон, с трудом скрывая собственную тревогу. — Запереть её в башне! Жрецам — начертать на стенах защитные знаки! Пусть лучшие служители Уаджет здесь же останутся до утра!

— Сделать всё, чтобы сила не вырвалась, — шёпотом добавил советник.

— Пусть стены станут ей тюрьмой, пока я не найду способ завладеть этой силой, — с упрямством и почти злобой бросил фараон, не спуская с Айши глаз.

Айшу вывели из зала. По коридорам, где уже чертили охрой и золотой пастой змеиные узоры, её вели — через слёзы, страх, но с несломленной гордостью. В последний раз она посмотрела на застывшую фигуру фараона — и увидела: он боится её не меньше, чем жаждет её силы.

— Я всё равно найду способ заполучить этот дар, — глухо сказал он вслед, и его голос, казалось, проникал даже через каменные стены.

Айшу заперли в башне. За простой дверью, под слоями магических символов, она впервые осталась совершенно одна, только с тёплым пульсом амулета и непонятной силой, что ждала своего часа.

Глава 2

Прошло тринадцать лет, но время в башне текло иначе, чем во всём остальном Египте. Здесь оно не бежало, не текло рекой — оно оседало, как пыль на камне, слой за слоем, беззвучно и неотвратимо.

Айша научилась считать годы по солнцу.

Каждое утро узкое окно под самым потолком впускало в круглую комнату первый луч — тонкий, золотой, острый, как лезвие. Он полз по стене, по выцветшим охряным змеям, начертанным жрецами в ту самую первую ночь, скользил по полу и к полудню касался её ног. А потом уходил. И весь долгий вечер она ждала его снова.

Тринадцать раз луч уходил и возвращался тысячу раз. Тринадцать половодий Нила она не видела. Тринадцать урожаев собрали и свезли в амбары люди, которых она никогда не встретит.

Ей был двадцать один год, и почти всю свою жизнь она провела за одной дверью.

Она выросла здесь. В этих стенах её тело вытянулось, налилось силой. Кожа потемнела до тёплого шоколадного оттенка, и в её смуглом сиянии жил древний огонь — не болезненная бледность дев, затворённых от солнца, а что-то иное, будто сама сила внутри неё питала её плоть тем светом, что не достигал окон. Чёрные волосы отросли ниже пояса — невероятно длинные, густые, струящиеся, и в них, если падал свет под нужным углом, проступал странный зеленоватый отлив, точно в темноте прятались чешуйки змеи. Она не заплетала их — кому было показывать красоту? — и волосы ниспадали свободным тёмным водопадом до самых икр, словно живая мантия.

Лицо её было тонким, благородным — высокие скулы, полные губы, миндалевидные глаза, что смотрели на мир с такой печалью, какую не увидишь в юных лицах, не познавших одиночества. Но глаза эти — золотистые, с узким вертикальным зрачком — были чужими, нечеловеческими, и по скулам, там, где кожа была тоньше всего, иногда — в дни, когда амулет становился беспокойным — проступал едва заметный узор. Мелкий, перламутровый, как след от прикосновения ящерицы.

Её тело было одето в лёгкое платье цвета слоновой кости, отделанное золотом — узкие браслеты на запястьях, тонкие цепочки вдоль рук, пояс, обвивавший талию и спускавшийся вниз золотыми нитями. Белое и золото — цвета священной девы, в которых её наряжали тринадцать лет назад и которые она носила с тех пор, ибо никто не приносил ей ничего другого. А на груди, там, где бьётся сердце, висел амулет — золотистая змея с зажмуренными глазами, обвившая крохотное красное ядро. Тёмный сейчас, почти чёрный. Спящий.

Айша давно перестала бояться своей внешности. Она перестала пугаться многого. Но золотистые глаза с узким зрачком всё ещё пугали жрецов. Те, кто приносил ей еду, не смотрели ей в лицо. Ставили миску у порога, чертили над ней знак Уаджет пальцем, окунутым в охру, и уходили, птясь, будто она была не девушкой, а раскалённым углём, который вот-вот вспыхнет.

Только одна женщина во всём дворце смотрела ей в глаза.

Тауи приходила каждый вечер, когда золото уходило с пола и комнату заливала синеватая мгла. Айша научилась узнавать её задолго до того, как поворачивался ключ: сначала — шаркающие шаги по винтовой лестнице, медленные, с передышками на площадках, потому что колени старухи давно сдались годам. Потом — тёплое пятно света под дверью, дрожащее и живое. И только потом — сам скрежет засова.

Масляная лампа в руках Тауи была самой прекрасной вещью в мире Айши. Не золото фараона, не самоцветы на браслетах жриц — а эта простая глиняная плошка с фитилём, от которой пахло горелым льняным маслом и которая приносила в её каменный склеп единственное живое, дрожащее тепло.

— Ну, здравствуй, моя девочка, — сказала Тауи в этот вечер, как говорила всегда, и поставила лампу на низкий столик.

Пламя качнулось, и по стенам поплыли тени змей — начерченные жрецами узоры ожили, зашевелились, поползли. Айша давно привыкла к этому обману зрения. В детстве он доводил её до слёз; теперь она находила в нём странное, горькое утешение. Хотя что-то в этой комнате двигалось.

— Здравствуй, Тауи.

Старуха опустилась на скамью у стены — тяжело, придерживая поясницу узловатой ладонью. Седые пряди выбились из-под платка, лицо избородили морщины, но глаза остались молодыми: тёмные, живые, полные того тепла, которого Айше не хватало все эти годы, как воды в пустыне.

— Опять не ела, — заметила Тауи, покосившись на нетронутую миску у порога. — Хлеб зачерствел.

— Мне не хочется.

— Тебе никогда не хочется. — Старуха покачала головой. — А худеешь так, что скоро ветром выдует в окно. Хотя, — она невесело усмехнулась, — окно-то узковато для побега.

Айша слабо улыбнулась. Это была их старая, привычная шутка — из тех, что помогают выжить там, где смеяться, в общем-то, не над чем.

Она села рядом с няней, поджав под себя босые ноги. Камень пола был холодным даже летом — эта прохлада въелась в самые кости, стала частью её. Айша иногда думала, что если однажды выйдет на солнце, то не согреется уже никогда: холод башни поселился в ней навсегда.

— Расскажи мне про город, — попросила она тихо.

Это тоже был их ритуал. Каждый вечер Тауи приносила ей мир по кусочку — как приносят голодному хлеб, отламывая по крошке, чтобы не стало дурно от сытости.

— Что тебе рассказать сегодня? — Тауи поправила фитиль, и пламя вспыхнуло ярче.

— Про рынок. Про запахи.

Старуха прикрыла глаза, вспоминая.

— Нынче на рынке привезли гранаты из нижних земель. Красные, тяжёлые, лопаются в руках — сок как кровь. И рыбу с Нила, свежую, серебряную, ещё бьётся в корзинах. Торговка пряностями рассыпала целый мешок кмина, так весь квартал полдня чихал и смеялся. — Тауи открыла глаза и посмотрела на девушку. — А над всем этим — солнце. Такое, что тень ищешь, как воду. И пыль, золотая пыль, стоит в воздухе столбами, когда проходит караван.

Айша слушала, и в груди у неё что-то сжималось — сладко и больно одновременно. Она пыталась представить всё это: тяжесть граната в ладони, брызги сока, острый запах пряности, жар солнца на плечах. Но воображение спотыкалось. Как представить жар, если ты знаешь только холод? Как вспомнить вкус граната, если последний раз ела его в другой жизни, ребёнком, на коленях у матери?

Мать.

Айша почти не помнила её лица. Тринадцать лет стёрли черты, оставив только обрывки: тёмную фигуру, тающую в дверном проёме. Тёплую ладонь на щеке. И слова — единственное, что она сохранила в целости, повторяя про себя каждую ночь, чтобы не забыть голос: «Не дай змеиному сердцу проснуться в страхе. Только любовь сможет сдержать твою силу».

Её пальцы сами собой поднялись к груди — к амулету.

Змея по-прежнему висела там, на потемневшем от времени шнурке. Айша не снимала её ни разу за тринадцать лет — ни во сне, ни в те редкие минуты, когда позволяла себе разрыдаться в голос, зная, что её никто не услышит. Металл давно стал частью её, впаялся в кожу так, что она уже не всегда чувствовала его вес.

Сейчас амулет был тёмным. Спящим. Тусклая, почти чёрная бронза, холодная и тяжёлая. Так было хорошо. Так было безопасно.

Но Айша знала — а тело её знало и того лучше, — что стоило страху или гневу подняться в ней слишком высоко, и змея начинала теплеть. Наливаться алым, будто внутри разгорался

уголёк. В такие ночи она вжималась в стену, впивалась ногтями в ладони и повторяла материнские слова, пока металл снова не остывал.

Однажды — ей было тогда лет двенадцать — жрец, приносивший еду, поскользнулся на пороге и, падая, схватился за её плечо. Голой рукой. Всего на миг.

Айша до сих пор помнила его крик. Помнила, как почернела кожа под его пальцами — сначала у неё на плече, потом у него на ладони, — как он отшатнулся, воя, глядя на свою руку, будто она уже не принадлежала ему. Его увели. Больше она его не видела.

С того дня она поняла окончательно то, о чём раньше лишь догадывалась: её прикосновение — смерть. Не проклятие в переносном смысле, не тяжёлая судьба. Буквальная, физическая смерть для всякого, кто коснётся её кожи.

Даже Тауи никогда не касалась её. Они сидели рядом каждый вечер, тринадцать лет, — и между ними всегда оставалась ладонь пустоты. Тонкая, невидимая граница, которую нельзя было переступить. Тауи любила её как родную дочь и не могла ни обнять, ни утешить прикосновением, ни утереть слёзы. Только слова. Только тепло лампы. Только присутствие.

Иногда Айше казалось, что именно это — а не каменные стены — и есть её настоящая тюрьма.

— Тауи, — сказала она вдруг, — скажи мне правду. Зачем я ему нужна?

Старуха замерла. Пламя лампы дрогнуло.

— Кому, дитя?

— Фараону. — Айша повернулась к няне, и золотые глаза её блеснули в полумраке. — Тринадцать лет он держит меня здесь. Тринадцать лет жрецы обновляют знаки на стенах, приносят мне еду, стерегут дверь. Это стоит золота. Стоит сил. Ни один человек не станет так долго беречь то, что ему не нужно. Он ведь не боится, что я вырвусь. Он чего-то ждёт. Чего?

Тауи опустила взгляд на свои руки. Долго молчала. И когда заговорила, голос её был тише обычного:

— Есть вещи, девочка, которые лучше не знать, пока не пришло время.

— Я всю жизнь провела в неведении, — тихо, но твёрдо возразила Айша. — Может быть, знание — это единственная свобода, которую мне могут дать?

Старуха подняла на неё глаза, и в них Айша увидела что-то новое. Страх. Но не тот страх, что вызывала она сама, не суеверный ужас жрецов. Другой — глубокий, старый, будто Тауи носила в себе тайну столько же лет, сколько Айша носила амулет.

— В тебе, — медленно проговорила няня, — живёт то, чего люди не понимают со времён первых фараонов. Дух. Богиня. Змея Уаджет — та, что защищала первых царей, обвивала их короны, стерегла их сон. Но фараон... нынешний... он думает не о защите. Он думает о том, чтобы забрать эту силу себе. Стать больше, чем человек. Больше, чем царь. — Тауи понизила голос до шёпота. — Он хочет перестать умирать, Айша. И он верит, что ключ к этому — ты.

Слова упали в тишину, как камни в колодец.

Айша сидела неподвижно. Странно — она не почувствовала ни ужаса, ни удивления. Скорее — облегчение. Будто долгие годы шла в темноте, натываясь на невидимые стены, и вот наконец кто-то зажёл лампу и показал ей очертания комнаты, в которой она заперта.

— Значит, я — сосуд, — медленно произнесла она. — Кувшин, в котором он хранит своё бессмертие. Он ждёт, когда сможет разбить кувшин и выпить то, что внутри.

— Не говори так. — Тауи потянулась к ней, но остановила руку в воздухе — как всегда, в ладони от кожи. — Ты не кувшин. Ты — моя девочка. И пока я жива, я не дам ему...

Она не договорила. Внизу, у подножия башни, что-то происходило.

Айша услышала это первой — слух её за годы затворничества обострился до звериного. Сквозь узкое окно, вместе с ночной прохладой, до неё донёсся шум. Не обычный вечерний гул дворца, к которому она привыкла, — а что-то новое. Топот множества ног. Ржание лошадей. Голоса, много голосов, взволнованных, торопливых. Звон металла — оружие, доспехи. И

над всем этим — звук рогов, протяжный, торжественный, какого она не слышала ни разу за тринадцать лет.

Тауи тоже прислушалась и нахмурилась.

— Что там? — спросила Айша, поднимаясь на ноги.

Она подошла к стене под окном, встала на цыпочки. Окно было слишком высоко — она могла увидеть только клочок тёмного неба и первые звёзды. Но звуки говорили ей больше, чем глаза.

— Кто-то приехал, — пробормотала Тауи, тоже вставая. — Большая свита. Слышишь рога? Так встречают только... — Она осеклась.

— Только кого?

Старуха не ответила сразу. Она подошла к двери, приложила ухо к холодному дереву. С лестницы, снизу, доносились обрывки голосов жрецов — те тоже были встревожены, переговаривались быстро, приглушённо.

Айша уловила одно слово. Оно пробилося сквозь толщу камня, поднялось по винтовой лестнице и вошло в её комнату, как чужак. Имя.

— Каир, — прошептала Тауи, и лицо её вдруг побледнело в свете лампы. — Они говорят — прибыл Каир.

— Кто это? — Айша обернулась к няне. — Тауи, кто такой Каир?

Но старуха не ответила. Она смотрела на девушку так, будто увидела её в последний раз, — и в глазах её, влажных от подступивших слёз, мешались надежда и ужас, две родные сестры, которые никогда не ходят порознь.

А на груди Айши, впервые за долгие месяцы спокойного сна, амулет-змея дрогнул. И начал теплеть.

Глава 3

Каир приехал во дворец с одной целью — увидеть ту, о которой шептались по всему Египту.

Проклятую деву. Ту, чей взгляд обращает в камень, чьё дыхание несёт смерть, чьё имя жрецы произносили с оберегами. Он слышал эти рассказы с детства — в гарнизоне, где его растили, старые воины пугали новобранцев байками о северной башне Мемфиса, где томится чудовище в девичьем облике. Каир не верил ни единому слову.

Он вырос вдали от дворца, в пограничном гарнизоне у восточных песков, где солнце вставало над бесконечной жёлтой равниной, а по ночам выли шакалы. Там его учили держать меч раньше, чем читать, и он привык к простой, ясной жизни: враг впереди, товарищ рядом, песок под ногами. Суеверия казались ему детскими сказками — мир делился на то, что можно увидеть, и то, чего нет.

Когда гонец привёз свиток с царской печатью — «Пришло время племяннику занять место подле трона», — Каир почти не удивился. Он единственный, кто остался из рода фараона после смерти своего отца, брата царя. Он знал, что однажды его призовут. Но истинной причиной, той, что влекла его в столицу сильнее долга, было любопытство. Он хотел своими глазами увидеть девушку-чудовище. И убедиться, что всё это — ложь.

Теперь он стоял в пыльном дворе, ещё не обмытый с дороги, и слушал, как советник — лысый человек в белых одеждах с леопардовой шкурой на плече — излагал правила дворца. Голос советника тёк медленно, вкрадчиво, каждое слово подавалось так, будто было пропитано ядом и мёдом разом.

— Северная башня, — произнёс он, указывая костлявым пальцем в сторону высокого строения за колоннадой, — для тебя закрыта. Там живёт... особа, которую фараон держит под замком ради безопасности всех. Ты не подойдёшь к башне. Не заговоришь с той, что там. Даже не посмотришь в ту сторону.

Каир кивнул, но в глазах его плясали искры — те самые, что появлялись, когда ему говорили «нельзя».

Советник заметил этот огонёк. И тонко улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ.

— Ты понял меня, Каир?

— Понял, — ответил Каир. И это была правда — он понял, что именно туда и направится, как только советник отвернётся.

Той же ночью, когда дворец погрузился в сон, Каир оделся в простую тунуку — тёмную, чтобы не выдавала в лунном свете, — и вышел в коридоры.

Он был высок — выше среднего египтянина, — и сложен так, как бывают сложены те, кто вырос не за пиршественным столом, а в седле и с мечом. Широкие плечи, узкая талия, длинные сильные ноги. Кожа его была загорелой, почти бронзовой от долгих лет под пустынным солнцем. Лицо — молодое, лет двадцати трёх, — было красивым той простой, открытой красотой, что не нуждается в украшениях: прямой нос, чёткая линия челюсти, полные губы, и глаза — тёмные, почти чёрные, умные и живые, без тени страха.

Волосы его были чёрными и вьющимися, коротко стрижены по бокам, но сверху оставлены длиннее — несколько мятежных локонов падали на лоб, и он то и дело откидывал их нетерпеливым движением. На шее висел простой кожаный шнур с амулетом — глаз Гора, потемневший от времени. На запястьях — кожаные браслеты, исцарапанные и потёртые, следы сотен тренировочных схваток. Никакого золота, никаких регалий — он не любил пышности, она сковывала его, как тесная одежда.

Сейчас он шёл по тёмным коридорам дворца бесшумно, как привык ходить в пустыне, когда выслеживал добычу или врага. Гарнизонная выучка научила его двигаться так, будто он

часть тени. Он читал расположение постов, запоминал, где стоит стража, где скрипят половицы, где можно пройти, не будучи замеченным.

Северная башня высилась в дальнем конце дворца. Каир обошёл стражу, поднялся по внешней галерее, что вилась вокруг старой стены, и оказался на узком карнизе — как раз напротив окна под самым куполом.

Он замер, прижавшись спиной к камню, и заглянул внутрь.

Комната была круглой, скудно обставленной — скамья, низкий столик, потухшая лампа. На полу, исписанном охряными змеями, лежали тени от узкого лунного луча. И в этом луче, спиной к окну, сидела девушка.

Каир ожидал увидеть чудовище. Он ждал уродства, звериного оскала, когтей, чешуи — всего того, чем пугали в байках.

Он увидел самое прекрасное создание, что когда-либо встречал.

Она сидела, обхватив колени руками, и смотрела в темноту перед собой. Лунный свет ложился на её профиль — и Каир не мог оторвать взгляда. Тёмная кожа, гладкая и тёплая, как отполированное дерево. Длинные, невероятно длинные чёрные волосы, что струились по спине до самого пола, словно тёмная река. Тонкие черты лица, полные губы, высокие скулы. Тело юное, гибкое, облечённое в лёгкое платье цвета слоновой кости, что светило в темноте, как сама луна.

Печаль в ней была такой глубокой и такой человеческой, что у Каира перехватило дыхание. Она была прекрасна. И бесконечно одинока.

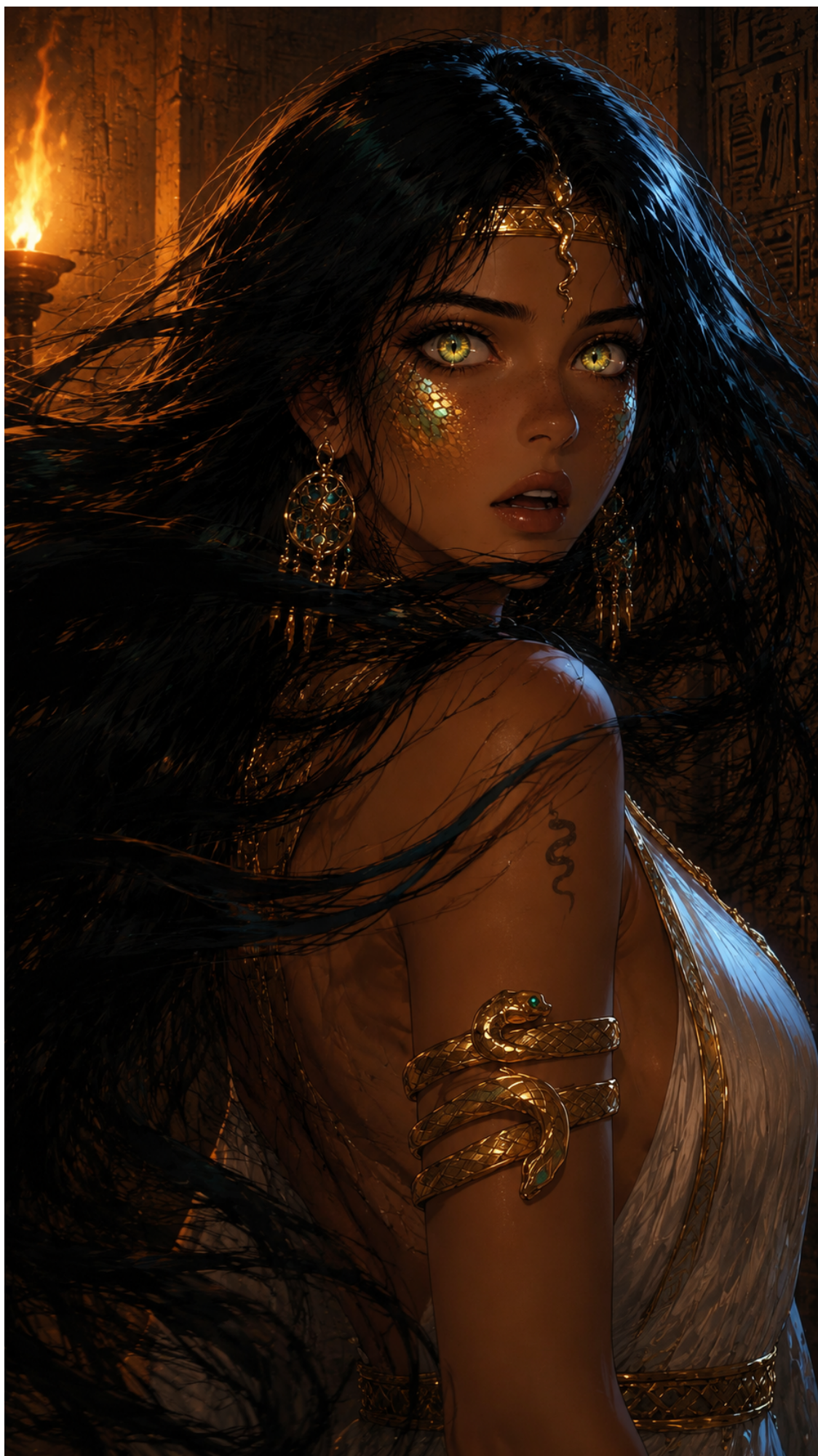
Где чудовище? Где опасность? Всё, что он видел, — девушка, запертая в клетке, мечтающая о том, чего никогда не получит.

Он не удержался. Сделал шаг вперёд — и камешек под сапогом скрипнул.

Девушка вздрогнула. Резко обернулась.

И Каир замер.

Волосы её взметнулись, разлетелись широким веером, подхваченные порывом ночного ветра из окна, и на мгновение — на одно, единственное, захватывающее дыхание мгновение — она была как видение, как богиня из древних сказаний, обрамлённая чёрным нимбом волос и лунным светом.

«Не ходи туда! Все, кто смотрел ей в глаза, обратились в камень!»

А потом он увидел её глаза.

Золотые. С узким вертикальным зрачком — как у змеи, как у хищника, нечеловеческие, чужие, пронзительные. Они смотрели прямо на него, и в них мешались изумление, страх и что-то ещё — что-то, чего она сама, казалось, не понимала.

Любой на его месте отшатнулся бы. Осенил себя знаком защиты. Отвёл взгляд, зная, что встречаться глазами с проклятой — смерть.

Каир не отвёл глаз.

Он смотрел прямо в них — с любопытством, с восхищением, без тени страха, — потому что за золотом зрачков он видел не чудовище. Он видел девушку. Живую. Одинокую. Ждущую.

— Ты... — прошептала она, и голос её, давно не привыкший говорить громко, дрогнул. — Ты смотришь мне в глаза. Ты не боишься.

— А должен? — тихо спросил Каир.

Она не ответила. Только смотрела на него так, будто он был не человеком, а видением, миражом в пустыне — тем, чего быть не может, но чего так отчаянно хочется.

А на её груди, там, где висел тёмный амулет-змея, медленно, робко, будто пробуждаясь от долгого сна, разгорелся тёплый золотистый свет.

Каир не знал ещё, что именно этот его взгляд — бесстрашный, открытый, полный не ужаса, а человечности, — разбудил в ней то, что спало тринадцать лет. Что его отношение к ней, как к девушке, а не как к монстру, стало ключом, открывшим замок. Он знал только одно: рассказы лгали. И он был прав, что не поверил им.

— Как тебя зовут? — спросил он тихо.

Она заколебалась. Имя было последним, что осталось у неё от прежней жизни.

— Айша, — сказала она наконец.

— Айша, — повторил он, будто пробуя слово на вкус. — Красивое имя. Совсем не змеиное.

И она засмеялась. Впервые за — она не могла вспомнить, за сколько лет. Смех вырвался из неё сам, лёгкий и удивлённый, и осветил всё её лицо, сделав его ещё прекраснее.

А внизу, у подножия башни, в темноте, раздался голос — грубый, резкий, полный суеверного страха:

— Эй! Кто там наверху?!

Каир обернулся. Стражник — тот, что обходил башню с факелом, — заметил его на карнизе. Факел взметнулся вверх, и свет ударил Каиру в лицо.

— Не ходи туда! — закричал стражник, и в голосе его был неподдельный ужас. — Слышишь?! Уходи оттуда! Все, кто смотрел ей в глаза, обращались в камень! Она убивает одним взглядом! Уходи, безумец!

Каир посмотрел вниз на стражника. Потом — на Айшу, что застыла у окна, глядя на него снизу вверх с мольбой в золотых глазах: уходи, спасайся, беги, пока цел.

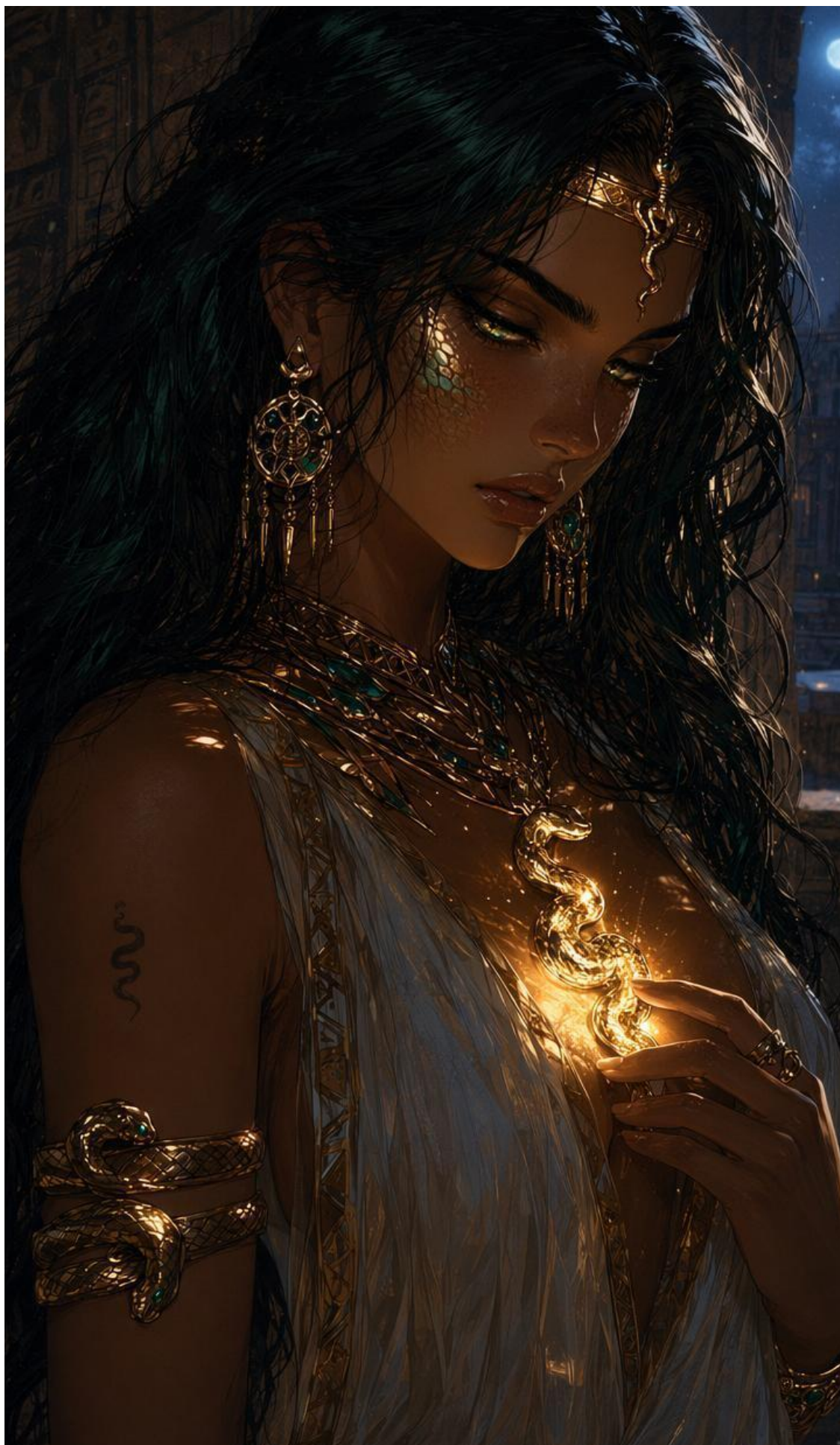
Он улыбнулся. Той самой открытой, бесстрашной улыбкой, что была у него с детства и которой не могли сломить ни пустыня, ни враги, ни рассказы жрецов.

— Глупости, — сказал он громко, чтобы слышали оба — и стражник внизу, и девушка за окном. — Выдумка и суеверие. Я смотрел ей в глаза. Я жив. И никакого камня.

Он ещё раз взглянул на Айшу — долгим, тёплым взглядом, полным обещания вернуться, — и скользнул обратно в темноту галереи, исчезая так же бесшумно, как пришёл.

А Айша осталась стоять у окна, прижав ладони к груди, где амулет пылал мягким золотом, — и сердце её билось так, будто она только что проснулась после тринадцати лет сна.

Глава 4

Айша не спала всю ночь.

Юноша исчез так же внезапно, как появился, — растворился в темноте карниза, оставив лишь эхо своего голоса. «А должен?» Два слова. Но они переворошили в ней что-то, что тринадцать лет лежало нетронутым под пеплом одиночества.

Он не боялся.

Она перебирала это снова и снова, не в силах поверить. Все её боялись — жрецы, стража, даже, глубоко в душе, любящая Тауи. Страх был воздухом, которым она дышала, стеной, что окружала её плотнее камня. А этот незнакомец смотрел ей прямо в глаза и не дрогнул. Смотрел так, будто она была человеком.

И амулет откликнулся.

Айша до сих пор чувствовала это — то мягкое тепло, что разлилось по её груди, когда их взгляды встретились. Не тревожный алый жар, что предвещал беду. Другое. Ласковое, золотистое, живое. Впервые за всю жизнь змея на её груди светилась не от гнева и не от страха — а от чего-то, чему она не знала названия.

Утром она рассказала об этом Тауи.

Старуха слушала, и лицо её менялось: сперва тревога, потом изумление, а под конец — что-то похожее на благоговейный ужас.

— Тёплое сияние, — прошептала Тауи, глядя на амулет. — Он... он никогда так не светился. За все эти годы. Ни разу.

— Что это значит? — Айша сжала змею в ладони. Металл был тёплым, будто хранил вчерашний свет.

Тауи опустила на скамью. Долго молчала, собираясь с мыслями.

— Твоя мать, — начала она наконец, — рассказывала мне о вашем роде. Ещё до того, как тебя забрали. Мы были с ней дружны, ты знаешь. Она говорила: сила Уаджет — не такая, как думают жрецы. Они верят, что змея питается страхом, что её надо держать в узде ужасом и болью. Оттого и стены исписаны угрожающими знаками, оттого тебя стерегут в темноте и холоде. Они думают, что страх умиротворяет силу.

— А это не так?

— Наоборот. — Тауи подняла на неё глаза. — Страх будит змею, дитя. Гнев, боль, отчаяние — вот что заставляет силу рваться наружу. А умиротворяет её... — Она запнулась, будто сама только сейчас понимала до конца смысл давних слов. — Любовь. Только любовь. Твоя мать так и сказала: «Сердце — вот замок. Пока Айша любит, змея спит спокойно».

Айша посмотрела на амулет. Тёплый. Золотой. Спокойный — и в то же время живой, как никогда.

— Значит, вчера... — медленно проговорила она.

— Вчера в тебе шевельнулось что-то доброе, — мягко закончила Тауи. — И змея ответила теплом, а не яростью. — Старуха вдруг нахмурилась, и радость на её лице сменилась тревогой. — Но, дитя моё, ты должна быть осторожна. Если фараон узнает... если советник узнает, что тебя посетил кто-то...

Она не договорила. Снаружи послышались шаги.

Быстрые, лёгкие шаги по лестнице — не старческое шарканье Тауи, не тяжёлая поступь жрецов. Кто-то молодой. Кто-то, кто взбегал по ступеням через одну, торопясь.

Сердце Айши подскочило к горлу.

Дверь была закрыта снаружи, но у самой двери, там, где дерево прилегало к камню неплотно, была щель. Через неё передавали еду в дни, когда жрецы не хотели входить. И к этой щели прижалось лицо — молодое, с тёмными кудрями, с живыми, тёплыми глазами.

— Это ты, — сказал Каир, и в голосе его была улыбка. — Значит, мне не приснилось.

— Тебе нельзя здесь быть, — выдохнула Айша, бросаясь к двери. — Если тебя увидят...

— Меня не увидят. Я умею быть тихим. — Он помолчал. — Я всю ночь думал о тебе. О том, за что тебя здесь держат. Ты не похожа на чудовище, которым тебя называют.

— Ты не знаешь, кто я. — Айша прижала ладонь к двери, напротив его лица, но между их кожей были два пальца старого дерева. — Моё прикосновение убивает, Каир. Всякого. Стоит мне коснуться человека — и он чернеет и умирает. Вот кто я. Вот почему эти стены. Не для того, чтобы держать меня. Для того, чтобы защитить всех остальных от меня.

Она думала, он отшатнётся. Она хотела, чтобы он отшатнулся, — так было бы честнее, так было бы безопаснее для него.

Но Каир не отодвинулся.

— Откуда ты знаешь моё имя? — тихо спросил он.

Айша замерла. Она и не заметила, как произнесла его. Оно само сорвалось с губ — то самое имя, что вчера долетело до неё сквозь камень.

— Я слышала его, — призналась она. — Когда ты приехал. Весь дворец говорил о тебе.

— А я даже не знаю твоего.

— Айша, — сказала она.

— Айша, — повторил он. — Красивое имя. Совсем не змеиное.

И она засмеялась. А внизу, у подножия башни, в тени колонны стоял человек в белых одеждах и смотрел вверх, на светящееся окно. Советник слышал этот смех. И на губах его медленно проступила тонкая, холодная улыбка. «Смех, — думал он. — Проклятая дева смеётся. Как любопытно».

Глава 5

Советник был терпелив. Терпение было его ремеслом, его молитвой, его оружием. Он знал: тайна, как спелый плод, падает в руки сама, если дожидаться нужного часа.

Три вечера подряд он наблюдал. Он видел, как молодой Каир, нарушая прямой запрет фараона, крадётся к башне. Видел свет в окне — не тревожный, не багровый, а тёплый, золотой, какого не бывало прежде. Слышал голоса, приглушённый смех, долгие разговоры через запертую дверь. И он думал.

Советник служил дворцу сорок лет. Он помнил ещё отца нынешнего фараона, помнил, как маленькую Айшу привезли из Мемфиса тринадцать лет назад. Он читал старые свитки, к которым не имел доступа никто, кроме него и царя, — свитки о природе силы Уаджет, о династическом ритуале, о жертве, что приносится каждые сто лет. Он знал почти всё.

Но одного он не знал: как разбудить силу по-настоящему. Фараон держал деву в страхе тринадцать лет — и сила спала. Багровый амулет вспыхивал порой, но всегда затухал. Царь ждал, злился, старел. Бессмертие ускользало сквозь пальцы, как песок.

И вот теперь советник смотрел на тёплое золотое сияние в окне башни — и понимал то, чего не понял фараон за тринадцать лет. «Не страх, — думал он. — Мы всё делали наоборот. Не страх будит змею. Сердце. Её будит сердце».

Открытие было столь огромным, что советник несколько ночей носил его в себе, взвешивая, как купец взвешивает золото. Тайна была его валютой. И эту следовало продать дорого — в нужный час, нужному покупателю, за нужную цену.

Он пришёл к фараону на четвёртый день.

Царь был мрачен. Он сидел в малом покое, при свете единственной лампы, и разглядывал на ладони что-то маленькое — тонкий золотой перстень. Советник знал этот перстень. Царь надевал его в дни, когда думал о смерти.

Фараон был человеком сорока лет, но выглядел старше. Не дряхлым — нет, мощь всё ещё жила в его теле, — но усталым. Усталым от власти, от бесконечного ожидания, от страха перед тем, что неминуемо придёт и чего нельзя приказать остановиться.

Он сидел, откинувшись в кресле, и даже сейчас, в одиночестве, не снял регалий. Синезолотая корона-немес с поднятой коброй на лбу венчала его голову, туго облекая череп и спускаясь полосатой тканью на плечи. Золотая борода — тщательно завитая, украшенная лазуритом — была прикреплена к подбородку кожаными ремешками и придавала лицу строгость и тяжесть божества. Но глаза... в глазах его была пустота человека, знающего, что всё золото мира не купит ещё одного восхода.

Тело его было атлетичным — широкая грудь, мощные руки, — но кожа уже начала терять упругость, морщины прорезали лоб и углы глаз. На шее и запястьях — массивные золотые украшения, тяжёлые, как цепи: широкий воротник-ускх с рядами лазурита и сердолика, браслеты в форме свернувшихся кобр, перстни на каждом пальце. На груди, поверх воротника, висел амулет скарабея — символ воскрешения, который он носил всегда, как напоминание о том, чего жаждет больше всего.

Лицо его было красивым — резкие черты, орлиный нос, полные губы, тёмные глаза под густыми бровями, — но красота эта была холодной, хищной. Это было лицо человека, привыкшего, что весь мир склоняется, когда он входит, и что его слово — последнее.

Советник остановился у порога, ожидая, пока фараон заметит его. Молчание затягивалось. Наконец царь поднял голову.

— Ты стареешь, — сказал советник вместо приветствия. Он единственный во всём Египте мог говорить фараону такое.

— Мы все стареем, — глухо ответил царь. Он сжал перстень в кулаке. — Тринадцать лет я держу её, стерегу, обновляю знаки. И сила спит. Я жду, а Осирис ждёт меня.

— Ты держал её неправильно.

Фараон вскинул голову. Глаза его сверкнули опасным огнём.

— Что ты сказал?

Советник сделал шаг вперёд. Медленно, наслаждаясь мгновением, — ибо ради таких мгновений он и жил.

— Мы все верили, что силу Уаджет будит страх. Что деву надо держать в ужасе и холоде, и тогда змея проснётся. — Он покачал лысой головой. — Мы ошибались, мой господин. Тринадцать лет ошибались. Страх не будит змею. Страх усыпляет её. Мы своими руками держали силу спящей.

— Тогда что её будит? — В голосе фараона зазвучало нечто хищное.

Советник помолчал — ровно столько, сколько нужно, чтобы цена тайны поднялась до предела.

— Любовь, — сказал он. — Её будит любовь, мой господин. Сердце, а не страх. Я видел это своими глазами. В башню повадился ходить один... смельчак. И амулет девы, что тринадцать лет был тёмным, засветился тёплым золотом. Сила зашевелилась. Впервые. От нежности, а не от ужаса.

В покое повисла тишина. Фараон медленно разжал кулак, и перстень скатился на стол.

— Кто, — тихо спросил он, — этот смельчак?

Советник улыбнулся своей тонкой, холодной улыбкой.

— А вот это, мой господин, самое любопытное. Это твой племянник. Каир.

Фараон долго молчал. А потом — к удивлению советника — он засмеялся. Тихо, потом громче. Смех его был страшен: в нём не было веселья, только торжество человека, увидевшего наконец конец долгой дороги.

— Каир, — повторил он. — Кровь моей крови. Тот, кого я растил для ритуала. — Он поднял на советника горящие глаза. — Ты понимаешь, что это значит? Она полюбит его. Сила проснётся — по-настоящему, до конца. А потом... — он снова сжал кулак, — а потом я принесу его в жертву. И сила, разбуженная любовью, но лишённая того, кого любила, хлынет — и я приму её в себя.

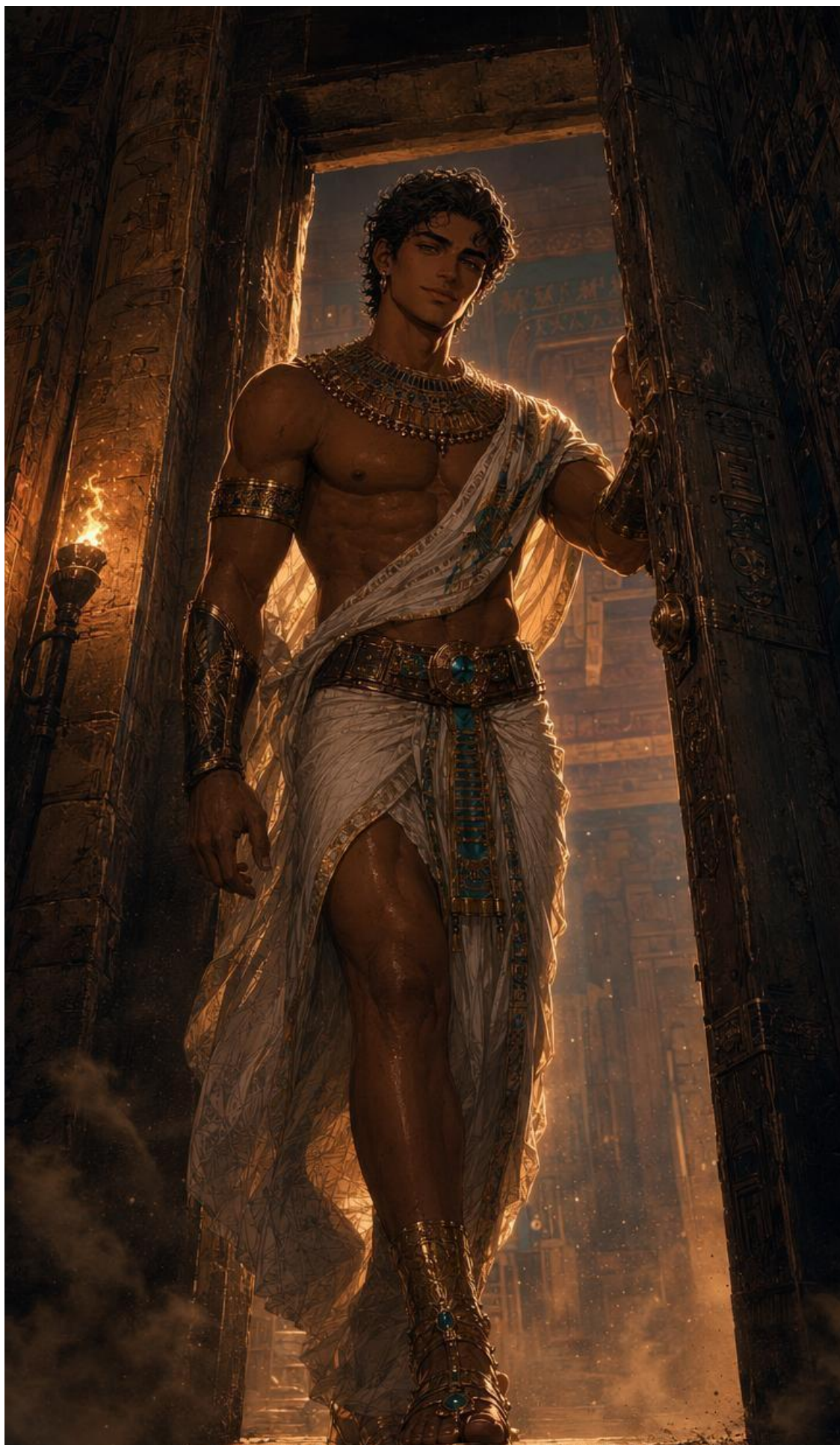
— Значит, — вкрадчиво произнёс советник, — ты не будешь запрещать им встречаться?

— Напротив. — Улыбка фараона была страшнее его гнева. — Я разрешу им видаться. Открыто. Я сам отопру ей дверь. Пусть любят друг друга. Пусть сила разгорается. — Он встал, и тень его выросла на стене до самого потолка. — Я растил этот плод тринадцать лет. Пора дать ему созреть.

Советник склонил голову, пряча удовлетворение. Тайна была продана. И цена, как он и рассчитывал, оказалась высока.

Но даже он, знавший почти всё, не знал одного. Не знал, что был ещё один свиток — Свиток истины, — который фараон спрятал двадцать лет назад. Свиток, в котором говорилось, как снять проклятие вовсе. Царь скрыл его ото всех, даже от своей верной тени, — ибо в нём заключалась не сила, а спасение. А спасение фараону было не нужно.

Глава 6

Утром жрец не оставил миску у порога и не убежал, пятась. Он отпер дверь.

Айша отступила к стене, вжимаясь в холодный камень. За тринадцать лет дверь отпиралась изнутри лишь для Тауи — и всегда это был вечер, и всегда лампа. А теперь, при свете дня, на пороге стоял жрец, и голос его был странно ровным:

— По воле фараона тебе дозволено принимать гостя. Дверь твоя будет отперта днём. Такова царская милость.

И ушёл.

Айша не двинулась с места. Милость? Фараон, что тринадцать лет держал её в темноте, вдруг дарует милость? Внутри у неё всё сжалось от нехорошего предчувствия — того самого, звериного, что жило в ней рядом со змеей.

Но потом на лестнице раздались лёгкие шаги, и в дверном проёме, впервые не отделённый ни деревом, ни камнем, появился Каир.

И предчувствие отступило. Не исчезло — затаилось, как змея под камнем, — но отступило перед тем светом, что зажёгся в ней при виде его.

— Мне сказали, я могу войти, — проговорил Каир. Он остановился на пороге, не переступая черты, будто спрашивая позволения. — Но я не войду, если ты не хочешь.

— Тебе нельзя приближаться ко мне, — тихо сказала Айша. — Ты помнишь, что я говорила? Моё прикосновение...

— Я помню. — Он медленно вошёл, оставаясь на почтительном расстоянии, и опустился на пол у противоположной стены — так, чтобы между ними было всё пространство комнаты. — Видишь? Я не подойду ближе, чем ты позволишь. Я просто... хотел увидеть тебя. Не через щель.

Айша смотрела на него — впервые не сквозь дерево, при полном свете дня, что лился из окна. Он был именно таким, каким она его вообразила бессонными ночами: молодой, крепкий, с тёмными кудрями и открытым лицом человека, привыкшего к простору и солнцу. И глаза — те самые, что не отвели взгляда. Тёплые. Живые.

Она медленно опустилась на пол у своей стены. И они сидели так — двое, разделённые пустотой комнаты, — и говорили.

Он рассказывал ей о песках, о гарнизоне, о том, как встаёт солнце над восточной равниной и как холодны ночи в пустыне. Он говорил о вещах, которых она никогда не видела: о лошадях, о стремительной охоте, о вкусе воды из глиняного кувшина после долгого перехода, о звёздах, что не заслонены стенами.

А она рассказывала ему о своём маленьком мире. О луче, что ползёт по полу. О тенях-змеях на стенах. О Тауи и её лампе. О матери, чьё лицо стёрлось в памяти, но чей голос она сохранила. Она никогда никому этого не говорила — только Тауи знала обрывки, — и слова лились из неё, как вода из прорванной плотины, годами копившаяся за стеной молчания.

Дни потекли иначе.

Каир приходил каждое утро. Они сидели у своих стен и говорили часами — а порой молчали, и молчание это было не тягостным, а полным, как чаша. Айша научилась смеяться. Она смеялась над его историями, над тем, как неловко он пытался описать вкус граната, над его серьёзным лицом, когда он клялся однажды показать ей настоящую пустыню.

И амулет на её груди больше не бывал тёмным.

Теперь он всегда светился — мягким, ровным золотом, будто внутри поселилось маленькое солнце. Тауи, приходя вечерами, смотрела на это сияние со смешанным чувством: радость мешалась в её глазах с тревогой, что становилась день ото дня глубже.

— Ты влюбляешься, дитя, — сказала она однажды вечером, и это был не вопрос.

Айша не ответила. Она смотрела на лампу, и на губах её блуждала улыбка, которой Тауи не видела прежде.

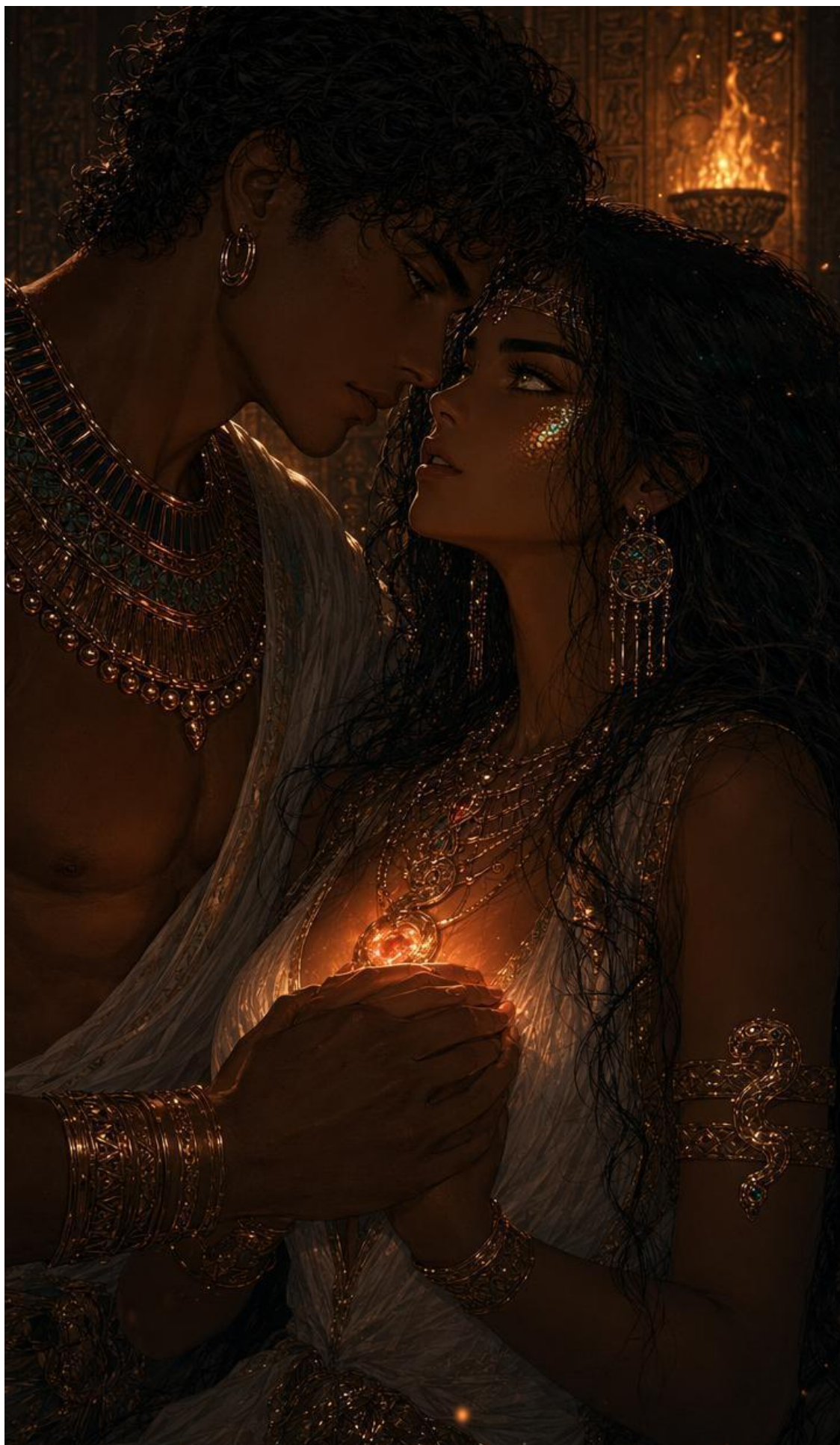
— Я боюсь за тебя, — тихо продолжила старуха. — Фараон не дарит милостей просто так. Тринадцать лет — темнота, а теперь вдруг — открытая дверь. Здесь есть расчёт, Айша. Я чувствую его, как чую грозу до первого грома.

— Может быть. — Айша повернулась к няне, и в золотых глазах её был свет, какого Тауи не видела никогда. — Но, Тауи... тринадцать лет я не жила. Я существовала. Ждала луча и ждала твоей лампы. А теперь — я живу. Впервые. И даже если за этим кроется беда... я не откажусь от того немногого, что мне дали.

Тауи ничего не сказала. Она только смотрела на свою девочку — выросшую, влюблённую, светящуюся изнутри, как амулет на её груди, — и сердце старухи разрывалось между счастьем за неё и предчувствием того, чего она пока не могла назвать.

А высоко над башней, в тронном зале, фараон слушал доклады жрецов о том, как разгорается свет в окне северной башни. И улыбался. Плод созрел.

Глава 7

Была ночь, когда Айша впервые заплакала при нём.

Они говорили о будущем — том несбыточном будущем, что придумывают все влюблённые, даже если стены их разделяют. Каир мечтал вслух: он вывезет её из башни, они уйдут в пустыню, к морю, всё равно куда, лишь бы прочь. Он говорил о доме на берегу Нила, о том, как научит её ездить верхом, как покажет ей рассвет.

И тут она заплакала. Не от горя — от невозможности.

— Ты не понимаешь, — прошептала она, отвернувшись, чтобы он не видел слёз. — Даже если бы эти стены рухнули. Даже если бы я вышла. Что за жизнь у нас была бы, Каир? Я не могу коснуться тебя. Никогда. Ни разу за всю жизнь. Ты хочешь взять меня за руку — я убью тебя. Ты захочешь обнять — я убью тебя. — Голос её сорвался. — Тауи любит меня тринадцать лет и ни разу не смогла погладить меня по голове. Вот моя жизнь. Вот что я могу дать тому, кого люблю. Ничего. Пустоту в ладони.

Она сказала это — «кого люблю» — и осеклась, но было поздно.

Каир долго молчал. А потом поднялся.

— Что ты делаешь? — Айша вскинула голову.

Он шёл к ней. Медленно, через всю комнату, переступая ту невидимую черту, что они никогда не переступали.

— Стой! — Она вжалась в стену, вскинула руки. — Каир, не подходи! Ты не понимаешь, я не шучу, я убила жреца одним касанием, я...

— Я знаю, — тихо сказал он и остановился в шаге от неё. — Я всё знаю, Айша.

— Тогда почему?..

Он опустился на колени, так, чтобы их лица оказались вровень. Так близко, как они не были никогда. Айша чувствовала тепло его дыхания, видела каждую чёрточку его лица, каждую искру в тёмных глазах. Амулет на её груди пылал золотом, разгораясь всё ярче.

— Дай мне руку, — сказал Каир.

— Нет. — Она замотала головой, вжимая ладони в камень за спиной. — Нет, я не стану, я не убью тебя, слышишь, я лучше умру сама...

— Айша. — Голос его был спокоен и тих, как та самая глубина, что бывает в человеке, принявшем решение. — Посмотри на меня. Я не боюсь. Я не боялся с первого дня. Что-то во мне говорит, что тебе я не причиню вреда — и ты мне. Доверься. Один раз в жизни. Дай мне руку.

Она смотрела в его глаза и тонула в них. И медленно, дрожа всем телом, задышавшись от ужаса и надежды, протянула вперёд руку. Пальцы её тряслись.

Он накрыл её ладонь своей. Кожа к коже.

Айша зажмурилась, ожидая крика, запаха горелой плоти, черноты, смерти. Ждала мгновение. Другое. Ничего не случилось.

Она открыла глаза. Его рука лежала поверх её — тёплая, живая, неведимая. Их пальцы переплелись. Ничего не почернело, никто не закричал. Только амулет на её груди вспыхнул таким ярким, таким чистым золотом, что вся комната на миг залилась тёплым светом, и тени-змеи на стенах, казалось, замерли и склонили головы.

— Как... — выдохнула Айша. Она смотрела на их сплетённые руки, не веря. — Как это возможно?

— Я не знаю, — прошептал Каир. И улыбнулся — той улыбкой, от которой у неё останавливалось сердце. — Но вот я. Живой. И держу тебя за руку.

Она заплакала снова — но теперь иначе. Впервые за тринадцать лет её коснулись. Впервые за всю жизнь чужая тёплая ладонь легла в её ладонь и осталась цела. Она сжала его руку так, будто он был единственным, что удерживало её в мире, — и, может быть, так оно и было.

Они не знали причины. Не знали, что в Каире течёт кровь фараона, кровь избранного, — и что именно эта кровь, слитая с искренней любовью, делала его единственным человеком на земле, кого могло коснуться проклятье и не убить.

Они знали только одно: то, что было невозможным, стало возможным. И в этой невозможности была надежда, которой Айша не позволяла себе никогда.

А за дверью, на верхней площадке лестницы, стояла Тауи с погасшей лампой в руках. Она пришла раньше обычного — и увидела через щель то, что увидела. Сплетённые руки. Золотой свет.

И старая няня, единственная, кто любил Айшу все эти годы и ни разу не смог её коснуться, беззвучно заплакала — от радости и от страха. Ибо она, в отличие от влюблённых, начинала понимать, зачем фараону нужен был именно этот юноша. Именно эта кровь.

Глава 8

Фараон принял Каира в малом покое — том самом, где хранил золотой перстень и думал о смерти.

— Ты доволен, племянник? — спросил он, разливая вино в две чаши. Жест был отеческим, почти нежным, и оттого особенно фальшивым. — Мне доложили, ты часто бываешь у северной башни.

Каир насторожился. Он ждал гнева — ведь запрет был прямым и суровым. Но фараон улыбался.

— Ты запретил мне... — начал он.

— Запретил. — Царь протянул ему чашу. — А ты ослушался. В тебе моя кровь, Каир, — а моя кровь не терпит запретов. Я не в обиде. Более того. Я рад.

— Рад? — Каир не притронулся к чаше.

— Девушка в башне несчастна. Она пленница обстоятельств, не злой воли. — Фараон опустился в кресло, и голос его потёк мягко, обволакивающе. — Я держал её взаперти, ибо боялся её силы. Но, быть может, я был жесток без нужды. Быть может, ей нужен был лишь... друг. Кто-то, кто не боится. — Он посмотрел на племянника из-под тяжёлых век. — Ты дал ей это. И я благодарен. Ходи к ней. Открыто. Я велю не чинить тебе препятствий.

Каир молчал. Всё в нём — воинское чутьё, взращённое на границе, где улыбка врага опаснее клинка, — кричало об опасности. Дядя не был добр. Дядя никогда не был добр. И эта внезапная щедрость пахла ловушкой сильнее, чем благовония покоя.

Но он был влюблён. А влюблённый слышит только то, что хочет слышать.

— Благодарю тебя, — сказал он и наконец пригубил вино.

Фараон смотрел, как он пьёт, и в глазах его мелькнуло что-то — тень удовлетворения хищника, дождавшегося, когда добыча сама войдёт в силки. Но лицо осталось благостным.

— Ходи к ней, — повторил он мягко. — Пусть она будет счастлива. Она заслужила.

Той же ночью Каир не смог уснуть. Слова дяди вертелись в голове, не давая покоя. «Пусть она будет счастлива». Почему? Тринадцать лет темницы — и вдруг забота о счастье пленницы? Здесь чего-то не хватало. Здесь была скрытая часть, как в свитке, у которого оторван край.

Он встал, оделся и вышел в спящий дворец. Не к башне — туда он ходил днём. Он пошёл в другую сторону. К покоям, где хранились свитки и записи, — он заметил их ещё в первые дни, старую пыльную залу за колоннадой, куда редко кто заходил.

Каир не знал, что ищет. Он знал лишь, что ответ где-то здесь — в записях, в старых договорах, в родословных, в чём угодно, что объяснило бы внезапную щедрость человека, никогда не бывшего щедрым.

Он не знал ещё, что нашёл дорогу, ведущую к правде о нём самом. К правде, которая была страшнее любой ловушки. Но об этом — в следующей главе его жизни.

А пока он зажёл лампу и склонился над первым свитком, и тени заплясали по древним стенам, хранившим тайны фараонов.

Глава 9

Каир искал три ночи.

Днём он приходил к Айше, и они говорили и смеялись, и держались за руки, и амулет заливал башню золотым светом. А ночами он крался в старую залу и рылся в свитках при свете лампы, кашляя от пыли веков.

Он читал родословные фараонов, договоры с жрецами, отчёты о разливах Нила, списки податей. Ничего. Он уже отчаялся, когда на третью ночь, за отставшим камнем в стене — камнем, что выпирал чуть больше прочих и потому привлёк его взгляд, — нашёл тайник.

В тайнике лежал один свиток. Старый, но не древний — лет двадцати, не больше. И на нём была личная печать фараона.

Каир развернул его. И читал. И чем дальше читал, тем медленнее становилось его дыхание, тем холоднее делалось внутри, будто сама башенная стужа Айши перетекла в его грудь.

Свиток говорил о ритуале.

«Раз в сто лет, — гласили строки, начертанные рукой жреца, — дом фараонов приносит Проклятой Деве жертву из царской крови. Ибо сила Уаджет требует крови избранного, дабы обновиться и не угаснуть. Избранный должен быть отпрыском царского рода, возвращённым для этой цели. В час, определённый звёздами, его кровь прольётся пред Девой, и сила примет её, и связь дома фараонов с богиней-змеей продлится ещё на век».

А ниже, другой рукой — рукой самого фараона, Каир узнал её по печати, — было написано:

«Избранный нынешнего века — сын моего брата. Каир. Возвращён вдали, дабы не ведал судьбы своей. В должный час будет призван ко двору и принесён в жертву, когда сила Девы созреет. Кровь его напитает змею, а я, приняв силу, стану богом навеки».

Свиток выпал из его рук.

Каир сидел в темноте, и мир, который он знал, рушился вокруг него беззвучно, как рушится подмытый водой берег. Вот зачем его растили вдали. Вот зачем призывали ко двору. Вот зачем дядя — родная кровь, единственный родич — улыбался и разрешал ему любить Айшу.

Не из доброты. Из расчёта.

Его любовь была нужна, чтобы разбудить силу. А сам он был нужен как жертвенный бык, откормленный для алтаря. Дядя растил его двадцать лет для одного — чтобы перерезать ему горло в час, когда сердце Айши откроется до конца.

Каир не знал, сколько просидел так, в оцепенении, глядя в темноту. Первым чувством был не страх — гнев. Слепая, горячая ярость обманутого. Он хотел схватить меч, ворваться в покои дяди, потребовать ответа.

Но потом пришла другая мысль. Холодная и ясная, как рассвет над пустыней.

«Если я — жертва, — думал он, — то без меня ритуала не будет. Фараон рассчитывает на мою смерть по его воле, в его час, по его обряду. Он держит все нити. Но что, если я перережу их сам?»

Он поднял свиток с пола. Разгладил его дрожащими руками. И понял ещё одно, самое важное: если он просто сбежит, спасая свою жизнь, Айша останется здесь навсегда. Фараон найдёт другую жертву — не сейчас, так через годы. А Айша так и умрёт в этой башне, сосудом чужого бессмертия.

Нет. Бежать он не станет.

Что-то переменилось в нём той ночью — бесповоротно, как ломается и уже не срастается прежним сухая ветвь. Мальчик, приехавший из гарнизона служить дяде, умер над этим свитком. А поднялся с пыльного пола другой человек — тот, кто узнал цену своей жизни и решил заплатить её по собственной воле, а не по чужому расчёту.

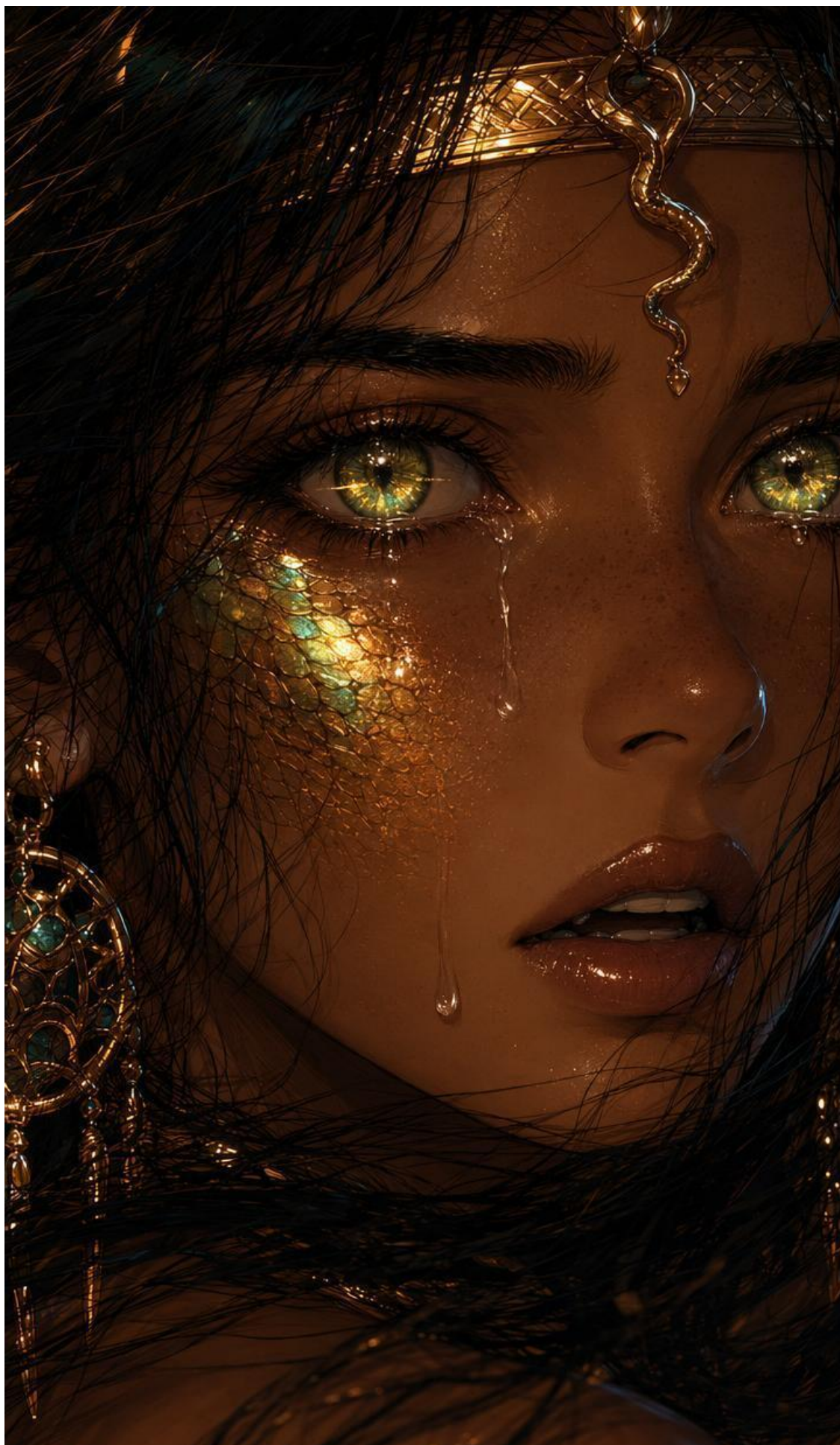
«Если моя кровь способна разбудить силу, — думал Каир, сворачивая свиток и пряча его на груди, — то пусть она разбудит её так, как выберу я. Не для того, чтобы фараон стал богом. А для того, чтобы Айша стала свободной».

Он ещё не знал, как. Он знал лишь, что не отдаст свою смерть в чужие руки.

Он спрятал свиток и вышел из зала в предрассветную мглу. Небо на востоке уже светлело — там, за стенами дворца, за песками, вставало солнце над миром, который дядя хотел обмануть.

Каир поднял к нему лицо. И впервые за эту ночь — улыбнулся. Страшной, спокойной улыбкой человека, переставшего бояться смерти.

Глава 10

Он не хотел говорить ей. Три дня носил тайну в себе, приходил к башне, улыбался, держал её за руку — и молчал. Айша заметила перемену сразу.

— Ты что-то скрываешь, — сказала она на четвёртый день. Они сидели рядом у стены, и их сплетённые пальцы лежали между ними. — Я вижу. Ты приходишь и уходишь мыслями куда-то далеко. Что случилось, Каир?

Он посмотрел на неё — на её золотые глаза, на тёплый свет амулета, на лицо, впервые за годы научившееся улыбаться, — и понял, что не сможет солгать. Не ей.

— Я узнал, зачем я здесь, — тихо сказал он. — Зачем меня растили. Зачем позвали ко двору. Зачем дядя разрешил мне видиться с тобой.

И он рассказал ей всё. О свитке. О ритуале. О жертве из царской крови, приносимой раз в сто лет. О том, что он — избранный, откормленный для алтаря телёнок, чья смерть должна напитать её силу и сделать фараона бессмертным. О том, что сама их любовь была частью расчёта — топливом, что разжигает огонь под жертвенным котлом.

Айша слушала. И по мере того как он говорил, тёплое золото амулета на её груди начало мутнеть, наливаясь тревожным алым.

— Нет, — прошептала она, когда он умолк. Она отдернула руку. — Нет. Я не позволю. Слышишь? Я скорее умру сама, чем позволю ему пролить твою кровь. Из-за меня. Из-за этой проклятой силы во мне.

— Айша...

— Уходи. — Она вскочила, отступая к стене. Голос её дрожал. Амулет разгорался всё краснее, и по скулам её проступил перламутровый узор чешуи. — Уходи из дворца этой же ночью. Беги, пока можешь. Забудь про меня, про башню, про всё. Если ты уйдёшь, ему некого будет приносить в жертву. Ты спасёшься. Только уходи, прошу тебя, уходи!

— И оставить тебя здесь? — Каир поднялся тоже. — Навсегда? Чтобы он нашёл другого избранного через год, через десять лет? Чтобы ты умерла в этих стенах сосудом его бессмертия? — Он покачал головой. — Нет, Айша. Я не для того узнал правду, чтобы сбежать.

— Тогда для чего?! — крикнула она, и голос её сорвался. По стенам заметались тени. Воздух в комнате сгустился, задрожал — так же, как тринадцать лет назад в тронном зале. — Для чего, Каир?

Он подошёл к ней. Взял за плечи — осторожно, но твёрдо. Кожа к коже, и снова ничего не случилось, кроме того, что алый амулет чуть притих под его прикосновением.

— Успокойся, — сказал он тихо. — Дыши. Посмотри на меня. Помнишь, что сказала твоя мать? Не дай змее проснуться в страхе. Дыши, Айша.

Она смотрела в его глаза. И — медленно, судорожно — дышала. Алый цвет амулета отступал, светлел, возвращался к золоту. Чешуя на скулах растаяла. Дрожь стен унялась.

— Вот так, — прошептал Каир. — Вот так.

Они опустились на пол, обнявшись — впервые. Он держал её, а она прижималась к его груди, слушая, как бьётся под рёбрами его сердце — то самое сердце, которое дядя хотел вырвать.

— Я не дам ему сделать это по-своему, — сказал Каир ей в волосы. — Но и не сбегу. Я найду другой путь. Есть способ снять проклятье — я чувствую это. Свиток говорил о жертве и о силе, но нигде не сказано, что проклятье вечно. Должно быть что-то ещё. Знание, которое дядя прячет. И я найду его.

Айша подняла на него мокрые от слёз глаза.

— А если не найдёшь?

Он не ответил. Но в глазах его она прочла то, чего он не сказал вслух, — и сердце её сжалось от ужаса, ибо она поняла: если другого пути не будет, он выберет тот единственный, что останется. Он отдаст свою кровь сам. По своей воле. Чтобы освободить её.

— Нет, — прошептала она снова, вцепившись в его рубаху. — Нет, Каир. Не смей. Слышишь? Не смей.

Он только крепче обнял её. А в тени за приоткрытой дверью, там, где падала на стену полоса лунного света, шевельнулась белая ткань. Советник умел быть тихим не хуже Каира. Он слышал каждое слово.

И на губах его играла тонкая улыбка. Ибо он узнал новую тайну: избранный проведал о своей судьбе. Это была ценная монета. Оставалось решить, кому её продать — фараону сейчас или приберечь до часа, когда цена станет выше.

Глава 11

Каир искал Свиток истины двадцать ночей.

Он обшарил всю старую залу, простучал каждый камень, перебрал каждый свиток. Он нашёл многое — податные списки, договоры, обрывки заклинаний, — но того, что искал, там не было. Того свитка, что говорил бы, как снять проклятье вовсе, а не как питать его кровью.

Он понял: фараон прячет спасение не там, где хранит расчёт. Такую вещь держат ближе к сердцу.

Меж тем дворец менялся. Айша чувствовала это по обрывкам разговоров, что доносила Тауи, по тому, как участились шаги на лестнице, по числу жрецов, круживших у башни. Готовилось что-то большое.

— Звездочёты ищут час, — рассказывала Тауи вечером, и руки её, державшие лампу, тряслись. — Я слышала на кухне. Фараон велел определить ночь, когда звёзды сойдутся для великого обряда. Говорят, скоро. Очень скоро. — Она посмотрела на Айшу полными слёз глазами. — Дитя моё, они готовят ритуал.

Айша сидела неподвижно, глядя на золотой амулет. Она давно решила, что не допустит смерти Каира. Но как? Она была заперта. Он был обречён. А фараон держал все нити в своих руках.

— Тауи, — сказала она вдруг. — Ты служишь во дворце дольше всех. Ты знаешь его закоулки, его тайны. Есть свиток. Каир говорит о нём. Тот, что скрывает способ снять проклятье. Фараон прячет его двадцать лет. Ты не знаешь, где?

Старуха задумалась. Долго молчала, перебирая в памяти сорок лет служения — коридоры, покои, тайники, случайные слова, оброненные жрецами.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Но поищу, дитя. Клянусь тебе, поищу. Есть места во дворце, куда пускают только старую няню, на которую никто не смотрит. — Слабая, решительная улыбка тронула её морщинистые губы. — Иногда быть незаметной — это сила.

Той же ночью пришёл Каир. Лицо его было мрачным.

— Час назначен, — сказал он без предисловий, опускаясь рядом с Айшой. — Я слышал от жрецов. Через три дня, в новолуние. Обряд будет в подземном святилище под тронным залом. — Он сжал её руку. — Я не нашёл свитка, Айша. Двадцать ночей — и ничего.

— Тауи ищет, — сказала Айша. — Она знает дворец лучше жрецов.

Каир кивнул, но в глазах его не было надежды. Он смотрел на неё долго, и во взгляде его было что-то, отчего у Айши похолодело внутри.

— Айша, — проговорил он. — Мне нужно, чтобы ты меня выслушала. И не перебивала. Хорошо?

Она замерла.

— Через три дня меня приведут в святилище, — начал он тихо. — Фараон думает, что перережет мне горло в час, который выбрал он, по обряду, который написал он, чтобы забрать силу себе. Он думает, что держит всё в руках. Но он ошибается в одном. Жертва — это я. И только я решаю, как и за что отдам свою жизнь.

— Каир...

— Ты обещала не перебивать. — Он мягко коснулся её щеки. — Я думал об этом каждую ночь. Ритуал работает так: моя кровь, пролитая в час, когда твоя сила разбужена любовью, напитает змею. Фараон хочет встать между тобой и силой в этот миг — принять её в себя. Но что, если я отдам кровь не по его обряду? Что, если я пролью её сам, по своей воле, за тебя — а не для него? Тогда сила проснётся так, как выберу я. Она пойдёт не к нему. Она пойдёт... — он улыбнулся, — туда, куда велит любовь.

— Ты не знаешь этого наверняка, — прошептала Айша. Слёзы текли по её лицу, а амулет тревожно алел. — Ты можешь просто умереть, Каир. Умереть напрасно. И я останусь здесь, и всё будет зря.

— Может быть, — согласился он. — Но я скорее умру, выбирая сам, за тебя, чем буду жить телёнком, откормленным для чужого алтаря. — Он вытер большим пальцем слезу с её щеки. — Ты подарила мне первую настоящую жизнь, Айша. За тринадцать лет твоей темноты. Позволь и мне подарить тебе свободу. Если другого пути не будет.

Она заплакала в голос и прижалась к нему, и он держал её, и амулет метался между алым и золотым — между страхом потерять и любовью, что была сильнее страха.

— Пусть Тауи найдёт свиток, — прошептал Каир ей в волосы. — Пусть найдёт другой путь. Я молюсь об этом. Но если не найдёт — обещай, что не остановишь меня. Обещай, Айша.

Она молчала. Она не могла обещать этого. Но и не могла отказать.

А снаружи, в темноте, всходило новое солнце — предпоследнее перед новолунием. Отсчёт начался. Три дня.

Глава 12

В ночь новолуния небо над Мемфисом было чёрным и беззвёздным, будто сами боги закрыли глаза, чтобы не видеть того, что случится.

За Айшей пришли на закате.

Не Тауи. Не привычный жрец с миской и оберегами. Целая процессия вошла в башню — жрецы в золотых масках Анубиса и Гора, стража с факелами, что чадили и плевались огнём, а во главе — советник в белоснежных одеждах, с леопардовой шкурой на плече и холодной улыбкой на губах, от которой стыла кровь.

— Час настал, дева, — произнёс он, и голос его был мягок, почти ласков, что делало его ещё страшнее. — Звёзды сошлись. Луна умерла. Подземелье ждёт. Тебя ждут.

Айша стояла у стены, прижав ладони к груди, где амулет-змея пульсировал тревожным, кровавым алым. Она не сопротивлялась. Сопротивление не имело смысла — её окружили со всех сторон, но никто не касался её, никто не приближался ближе, чем на вытянутую руку. Страх висел в воздухе гуще, чем дым факелов.

— Каир, — прошептала она. — Где Каир?

Советник чуть склонил голову, будто прислушиваясь к пению далёкой птицы.

— Он уже там. Ждёт тебя. Прощается с тобой.

Слова ударили сильнее пощёчины. Айша качнулась, но устояла. Амулет на её груди вспыхнул ярче — багровый свет заплескал по стенам, тени-змеи зашевелились, ожили, поползли. Один из жрецов отшатнулся, шепча заклинание.

— Тише, дитя, — мягко произнёс советник. — Сила, что просыпается в гневе, разрушает всё. Даже того, кого ты любишь. Ты ведь не хочешь причинить ему боль раньше времени? — Он протянул руку, не касаясь. — Иди. Сама. Или мы заставим тебя, и тогда путь будет долг и страшен.

Айша опустила взгляд на амулет. Тот пылал, как раскалённый уголь. «Не в страхе, — шептала она про себя слова матери. — Не в страхе. Только не в страхе». Она дышала — глубоко, судорожно, — пока багрянец не притух до тревожного тлеющего красного.

— Я пойду, — сказала она. Голос её не дрогнул. — Но если вы причините ему боль на моих глазах, я не сдержу силу. Клянусь вам. И тогда вы узнаете, что такое настоящий гнев богини-змеи.

Советник улыбнулся шире.

— О, дитя. Мы на это и рассчитываем.

Её вывели из башни — впервые за тринадцать лет. Коридоры, что вели вниз, казались бесконечными. Камень под ногами был холодным и гладким, отполированным за века тысячами ног тех, кого вели на жертву или на суд. Воздух становился всё тяжелее, густел, пропитывался дымом курений, древним запахом крови и камня, чем-то сладковатым и мёртвым. Айша задыхалась, но шла вперёд — один шаг, другой, — сжимая в ладони амулет, что жёг кожу, но она не отпускала.

Подземное святилище было огромным.

Когда они вошли, Айша замерла на пороге — дыхание оборвалось, сердце провалилось куда-то вниз, в холодную пустоту. Зал был высоким, колонны уходили вверх, во мрак, теряясь в клубах дыма. Стены — сплошь покрыты змеями: вырезанными, расписанными, золотыми, чёрными, изумрудными. Тысячи змей, извивающихся, сплетающихся, пожирающих собственные хвосты. И все они, казалось, смотрели на неё.

В центре зала — каменный алтарь. Чёрный базальт, исписанный иероглифами, которые она не умела читать, но понимала нутром: жертва, кровь, сила, вечность.

Вокруг алтаря — жрецы. Десятки жрецов в масках и золотых облачениях, они раскачивались в такт древнему напеву, низкому, гудящему, что заставлял каменный пол вибрировать под ногами. Звук этот входил в грудь, сжимал сердце, выдавливал воздух.

А на возвышении, в полном золотом облачении, с короной-немес на голове и ритуальным клинком в руке, стоял фараон.

Он был страшен. Страшнее, чем Айша его помнила. Золото регалий сверкало в свете сотен факелов, борода, украшенная лазуритом, торчала вперёд, как клюв хищной птицы, а глаза — горящие, безумные — смотрели на неё не как на человека. Как на вещь. Как на сосуд, который вот-вот раскроют.

— Приведите её ближе, — велел он, и голос его был не громок, но заполнил святилище, как гром заполняет небо.

Айшу подвели к алтарю. И только тогда, только когда она встала у самого края чёрного базальта, она увидела его.

Каир.

Он стоял у алтаря, по другую сторону от неё. Руки его были связаны за спиной толстыми кожаными ремнями. Одежда — простая туника — была порвана на груди. Кожа обнажена. Дыхание тяжёлое, но ровное. Лицо спокойно. Слишком спокойно. Он не выглядел испуганным.

Их взгляды встретились через алтарь — и время замедлилось. Айша видела каждую чёрточку его лица, каждый блик в тёмных глазах. Он смотрел на неё так, будто она была единственным светом во всём этом подземелье, — нежно, почти с грустью, но без страха.

«Он всё решил», — поняла она. И ужас обрушился на неё, как обвал.

— Нет, — выдохнула она. — Нет, Каир, не смей. Слышишь меня? Не смей!

Он покачал головой — чуть-чуть, едва заметно. «Поздно, любимая. Я выбрал».

Амулет на её груди вспыхнул так, что жрецы зажмурились. Багровый свет залил святилище — кровавый, пульсирующий, живой. Стены задрожали. Пыль посыпалась с колонн. Напев оборвался, жрецы замерли.

Фараон поднял клинок.

— Ты ждала этого дня тринадцать лет, дитя, — произнёс он, и голос его гудел под сводами, как колокол. — И я ждал. Сегодня твоя сила проснётся до конца. Сегодня она обретёт нового хозяина. — Он повернулся к Каиру, и лезвие блеснуло в свете факелов. — Тебе не нужно ничего делать. Только смотри. Смотри, как прольётся кровь того, кого ты любишь, — и почувствуй, как проснётся змея. Почувствуй, как она придёт ко мне.

— Не делай этого, — Айша шагнула вперёд, но стража преградила путь копьями, не касаясь её, но окружив стеной металла. — Прошу тебя. Возьми меня. Убей меня. Пусть я умру, пусть сила умрёт со мной, только не трогай его!

Фараон наклонил голову, будто изучая диковинное насекомое.

— Ты не понимаешь, дитя. — Голос его стал мягче — и от этого страшнее, словно отец объясняет глупому ребёнку простую истину. — Мне не нужна твоя смерть. Мне не нужна твоя жизнь. Мне нужна твоя любовь — разбуженная и осиротевшая в один миг. Вот что откроет силу. Вот что сломает последний замок. — Он повернулся к Каиру. — А ты, племянник. Ты знал, я вижу это в твоих глазах. Ты нашёл свиток. И всё равно пришёл. Глупый мальчишка. Ты думал, любовь тебя спасёт?

Каир посмотрел на дядю — долгим, ровным взглядом, в котором не было ни страха, ни мольбы.

— Я пришёл не спастись, — ответил он. Голос его был спокоен, и он звучал под сводами не слабее фараонова. — Я пришёл выбрать. Ты всю жизнь растил меня для своего алтаря. Ты решил, когда я умру, как я умру, за что я умру. — Он усмехнулся — коротко, зло. — Но жертва — это я. И только я решаю, как отдам свою кровь.

Фараон нахмурился. Что-то в тоне племянника встревожило его.

— Ты ничего не решаешь, — отрезал царь. — Сейчас я перережу тебе горло по обряду, в назначенный мной час, и сила прольётся в меня.

— Нет, — сказал Каир. — Не ты.

И прежде чем кто-либо понял, что происходит — прежде чем фараон успел занести клинок, прежде чем жрецы допели свой напев, прежде чем Айша успела крикнуть, — Каир рванулся.

Руки его были связаны за спиной. Но ноги свободны, и он был воином, и за годы в гарнизоне научился двигаться быстрее, чем успевает среагировать противник. Он не бросился прочь — к выходу, к спасению. Он бросился вперёд. К алтарю. К фараону. К ритуальному клинку в руке дяди.

Фараон не успел отдёрнуть руку. Не успел опустить лезвие. Каир прыгнул — и сам, всей грудью, всем весом, всей своей волей, напоролся на клинок.

Лезвие вошло глубоко — между рёбер, прямо в сердце. По рукояти, по руке фараона брызнула горячая алая кровь.

Каир выдохнул — коротко, с хрипом, — и кровь хлынула из его губ. Но глаза его — широко распахнутые, живые — не смотрели на дядю. Они смотрели через алтарь, на Айшу.

— За тебя, — выдохнул он, и каждое слово давалось ему с трудом, и каждое слово обходилось глотком крови. — Не за него. За тебя, Айша. По моей воле. Моей. Слышишь?

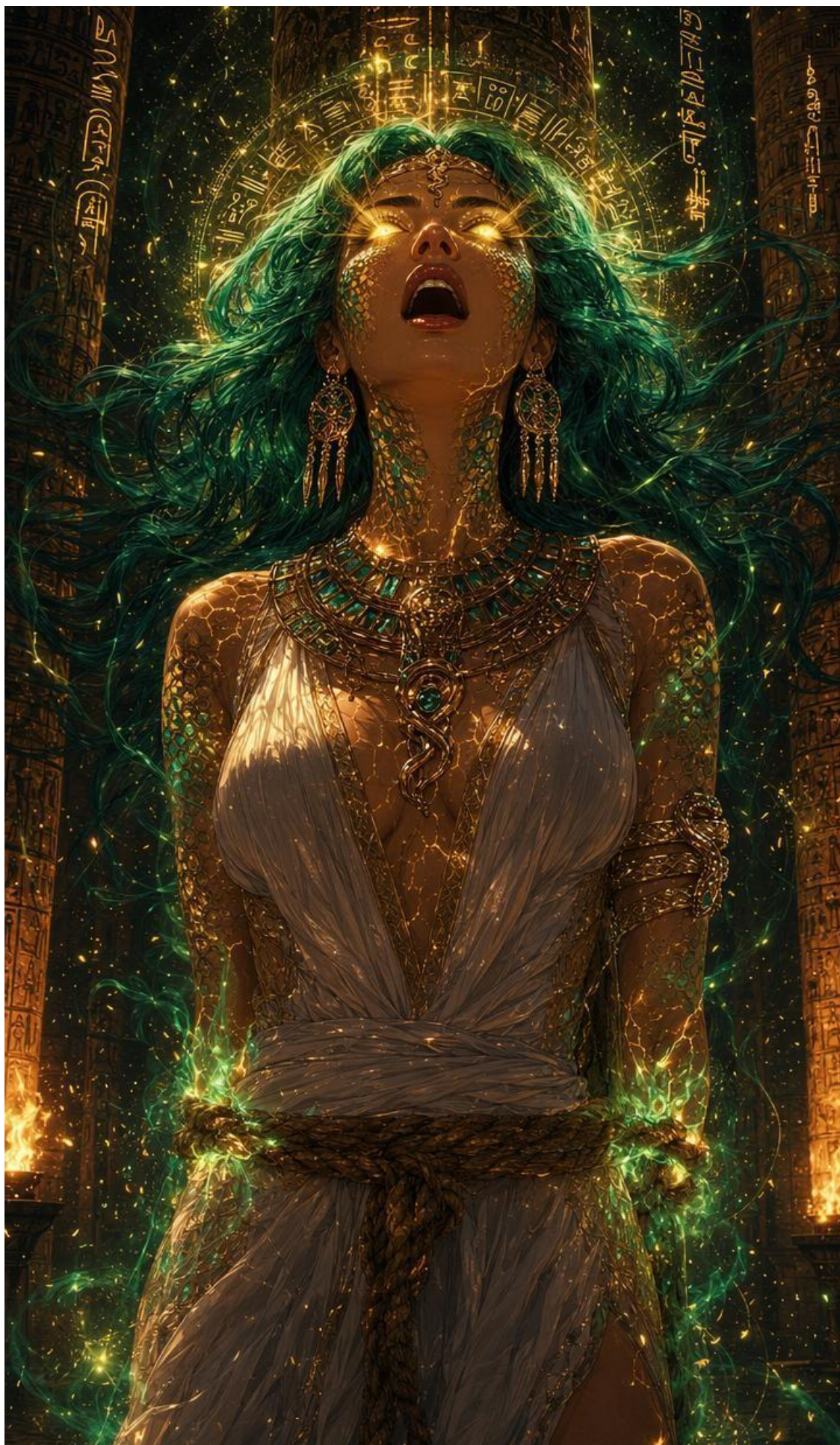
Он улыбнулся — той самой открытой, бесстрашной улыбкой, что был у него с самого начала, — и рухнул на колени. Клинок выскользнул из раны, и кровь — его кровь, царская кровь, избранная кровь — полилась на чёрный базальт алтаря, растекаясь, заполняя вырезанные иероглифы.

Время остановилось.

Фараон стоял, глядя на окровавленный клинок в своей руке, и не понимал — не мог понять, — что произошло. Всё пошло не так. Не так, как он писал в своём свитке. Не так, как рассчитывал двадцать лет. Кровь пролилась — но не по его обряду. Не в его час. Не по его воле. Жертва выбрала сама.

И кровь, стекающая на алтарь, была отдана не силе фараона. Она была отдана любви. Айша закричала.

Глава 13

Крик её не был человеческим. Он вырвался из самой глубины, из того места, где тринадцать лет спала змея, — низкий, протяжный, полный такой боли, что жрецы зажали уши, стража выронила копья, а советник, всегда невозмутимый, побледнел и отступил в тень.

Амулет-змея на груди Айши раскалился добела — и рассыпался.

Тринадцать лет он сдерживал силу. Теперь замок пал. Не потому, что страх его сломал, — потому что любовь наполнила его сверх всякой меры, до предела, за которым уже не удержать. Золото и бронза обратились в искры, что взметнулись вверх, закружились вокруг неё огненным роем, — и погасли, оставив на груди Айши лишь одно: тонкий алый след, будто ожог, в форме свернувшейся змеи.

И тело её начало меняться.

Сперва — свет. Изнутри. Кожа Айши вспыхнула, стала полупрозрачной, и под ней заструилось золотисто-зелёное сияние, будто в жилах текла не кровь, а расплавленный металл. Тело её начало расти — вытягиваться вверх, над жрецами, над алтарём, над самим фараоном, что попятился, глядя вверх с ужасом.

По коже побежала чешуя. Сначала по скулам — там, где всегда проступал перламутровый след. Потом по шее — мелкая, переливающаяся золотом и зеленью, каждая чешуйка ловила свет факелов и отражала его сотней оттенков. По плечам, по рукам — кожа трескалась, отслаивалась, и под ней проступала броня, гибкая и твёрдая разом. По груди, по животу. И ниже — там, где были ноги, они начали сливаться, срастаться, кости хрустели, плоть перетекала, и на месте двух ног выросло одно — исполинское змеиное тело, покрытое золото-зелёной чешуёй, толстое, мощное, извивающееся.

Длина его росла — три локтя, пять, десять — хвост уже скользил по полу святилища, обвивал колонны, и везде, где он касался камня, оставался тлеющий след, будто прикосновение обжигало даже мрамор.

Лицо её оставалось человеческим — но не прежним. Черты заострились, стали нечеловечески прекрасными, холодными, как у статуи божества. Глаза вспыхнули чистым золотым огнём — без зрачков, без белков, только огонь, пылающий изнутри. Волосы её взметнулись, и в них заструились золотые искры, будто в каждой пряди жила молния.

А вокруг головы, будто корона, зажглись парящие иероглифы — древние знаки Уаджет, письма самих богов, светящиеся, вращающиеся, шепчущие на языке, что был забыт до первых фараонов. Они пели, и пение их было страшным, красивым, невыносимым.

Богиня-змея поднялась над святилищем.

Она была исполинской. Она была великолепной. Она была ужасной.

Жрецы кричали, бросали курильницы и бежали к выходу, но двери святилища захлопнулись сами — каменные плиты весом в сотню человек сдвинулись, будто их толкнула невидимая рука. Ловушка захлопнулась. Никто не уйдёт.

Богиня обвела святилище пылающим взглядом. И там, куда падал этот взгляд, живое становилось камнем.

Жрец, что вёл напев, застыл на полувзмахе руки, обратившись в серый гранит. Лицо его навсегда осталось искажённым ужасом. За ним — другой. Третий. Стражник у колонны. Ещё один у стены. Каменные фигуры вырастали по всему залу, как чудовищный сад изваяний — сад ужаса, где каждый цветок был человеком, что когда-то дышал.

Советник, стоявший в самой глубокой тени, вжался в стену. Он не шевелился. Не дышал. Молил всех богов, чтобы она не заметила его. И боги, быть может, слышали — взгляд богини скользнул мимо, не зацепив.

А фараон не бежал.

Он стоял у алтаря, весь в крови Каира, с окровавленным клинком в руке, и смотрел на богиню — и в глазах его всё ещё горело безумное торжество.

— Да! — закричал он, роняя клинок и раскидывая руки. — Да! Вот она! Сила! Я ждал тебя двадцать лет! Иди ко мне! Я твой хозяин! Я пролил кровь избранного — сила моя! Иди ко мне, стань моей, сделай меня богом!

Он ждал, что сила хлынет в него. Что богиня склонится, протянет руку, и мощь Уаджет перельётся в его тело, сделает его бессмертным, всесильным, непобедимым. Он верил в это двадцать лет. Он посвятил этому всю жизнь.

Но богиня-змея не двинулась к нему. Она смотрела на фараона сверху — с высоты своего исполинского змеиного тела, — и в золотых глазах её не было ничего от прежней Айши. Только древний, нечеловеческий гнев. Холодный. Абсолютный.

— Почему?! — Голос царя сорвался в визг. Он не понимал. Не мог понять. — Я пролил его кровь! Я принёс жертву!

— Нет, — раздался голос Айши, но это был уже не её голос — глубже, древнее, многоголосый, как будто говорили разом тысяча змей. — Не ты. Он. Он принёс себя сам. По своей воле. За любовь. Не для тебя. Ты ничего не приносил. Ты только держал нож. И думал, что этого довольно.

Лицо фараона искажилось — от непонимания, от гнева, от страха, что впервые за сорок лет ворвался в его сердце. И тогда он совершил последнее, отчаянное — то, что окончательно погубило его.

Он бросился к телу Каира. Схватил выпавший клинок. И занёс его над мёртвым уже юношей, что лежал у алтаря.

— Тогда я убью его сам! — заорал фараон, и в глазах его плескалось безумие. — Ещё раз! По-настоящему! По моей воле, по моему обряду! Чтобы это засчиталось мне! Чтобы сила признала своего хозяина!

И он ударил. Клинок вонзился в грудь Каира снова — туда, где сердце уже не билось, где кровь уже застыла. Фараон бил и бил, полоса за полосой, в исступлении, будто пытался силой вырвать из мёртвого тела то, что уже ушло из него навсегда.

— МОЁ! — ревел он, весь в чужой крови, в поту, в отчаянии. — ОНО ДОЛЖНО БЫТЬ МОИМ!

Но кровь мёртвого не течёт. И жертва, принесённая чужой рукой над тем, кто уже отдал себя сам, — не жертва вовсе. Пустой обряд. Осквернение трупа. Фараон бил мёртвое тело — и не получал ничего. Ни искры. Ни капли силы. Только заляпывал золото своих одежд кровью того, кто выбрал смерть раньше, чем царь занёс над ним нож.

Он остановился, тяжело дыша, глядя на свои окровавленные руки. И медленно, страшно, понял: он опоздал. Каир умер за Айшу за целый удар сердца до того, как царь коснулся его во второй раз. Сила уже сделала свой выбор. И выбор этот был — не он.

Богиня-змея смотрела на это сверху. И в древнем гневe её проступило что-то похожее на безгливость — так смотрят на червя, копошащегося в грязи.

— Ты бьёшь мёртвого, — произнесла она. — Ты думаешь, что смерть можно украсть. Что любовь можно присвоить ударом ножа. — Парящие иероглифы вокруг её головы завращались быстрее. — Ты не понял ничего, смертный царь. За всю свою долгую, жадную жизнь — ничего.

Глава 14

Фараон выронил клинок. Он звякнул о камень и откатился к ногам золотой статуи одного из жрецов.

— Нет, — прохрипел царь, птясь от алтаря, от мёртвого племянника, от исполинской богини, что нависала над ним. — Нет. Это ошибка. Так не должно быть. Я — фараон. Я — живой бог. Сила принадлежит мне по праву крови, по праву обряда, по праву двадцати лет ожидания!

— По праву, — повторила богиня-змея, и в голосе её зазвенел лёд. — Ты говоришь о праве. А знаешь ли ты, что я вспомнила, царь? Я вспомнила слова моей матери — той, у кого ты меня отнял тринадцать лет назад. Она сказала: сила рождается из любви. Не из крови. Не из страха. Не из права. Из любви и жертвы, принесённой по доброй воле.

Она склонила пылающую голову ниже, и жар её дыхания опалил лицо фараона.

— Он отдал себя сам. Ты — украл бы, если б смог. В этом вся разница между вами. И потому сила выбрала его, а не тебя. Мёртвого — а не живого. Любящего — а не жадного.

— Я приказываю тебе! — Фараон вскинул руки, и голос его сорвался в отчаянный крик. — Моё слово — закон! Я твой владыка! Я приказываю тебе покориться! Слышишь?! Моё слово — закон!

Богиня-змея выпрямилась во весь свой исполинский рост. Парящие иероглифы вспыхнули ослепительно.

— Твоё слово, — произнесла она, и голос её заполнил святилище, гудя в камне, в воздухе, в костях, — больше не закон.

Она подняла руку. Медленно. Длинный коготь, покрытый золото-зелёной чешуёй, вытянулся, направился на фараона — и из кончика его ударил тонкий луч золотого света.

Фараон попытался бежать. Он развернулся, метнулся к дверям — но они были заперты, запечатаны камнем. Он заметался, как крыса в западне, среди золотых статуй тех, кто ещё недавно пел ему хвалу. Но луч настиг его.

Свет коснулся его спины — и время для него замедлилось.

Кожа его подёрнулась золотом. Не чешуёй — металлом. Настоящим, чистым золотом, тем самым, которого он жаждал всю жизнь, ради которого держал деву в темнице, ради которого растил племянника на смерть. Оно ползло по нему снизу вверх — по ногам, сковывая колени, по бёдрам, по животу. Он смотрел вниз, на свои руки, и видел, как пальцы деревенеют, тяжелеют, превращаются в золотые слитки.

— Нет, — прохрипел он, и голос его уже застыл в горле. — Нет, прошу, я не хотел... я только... я боялся смерти... я всего лишь боялся умереть...

На один-единственный миг — последний миг человеческого в нём — в глазах фараона мелькнуло не безумие власти, а простой, голый, детский страх смерти, что гнал его всю жизнь. Тот же страх, что живёт в каждом. Но было поздно.

Золото поползло по груди, по плечам, по шее. Он задохнулся — горло сжалось, дыхание прервалось. По лицу — лоб, щёки, подбородок. Борода превратилась в золотую решётку. Корона-немес стала единым целым с черепом. Руки его вскинулись в последнем жесте — то ли приказа, то ли мольбы, — и застыли навеки.

Последними застыли глаза. И в них, за миг до того, как золото сомкнулось, отразилось понимание всего, что он потерял. Все годы. Все жертвы. Вся чужая кровь на его руках. Всё — ради силы, что он никогда не получит. Ради бессмертия, что обернулось вечной тюрьмой.

Он хотел стать бессмертным — и стал. Он хотел стать вечным, как золото, — и стал золотом. Он получил ровно то, чего просил, — и не получил ничего.

Золотая статуя фараона застыла посреди святилища, воздев руки в вечном, беззвучном приказе, который никто и никогда уже не исполнит.

Наступила тишина.

Богиня-змея опустила руку. Парящие иероглифы вокруг её головы притихли, замедлились. Древний гнев в золотых глазах медленно угасал, и сквозь него всё яснее проступало что-то человеческое. Что-то, что было Айшой.

Она медленно, будто вспоминая, повернулась туда, где лежал Каир — у алтаря, в луже крови, изломанный, мёртвый.

И там, где ещё миг назад была грозная богиня, что обратила фараона в золото и наполнила зал каменными мертвецами, вдруг проступило горе. Простое, живое, безмерное человеческое горе.

— Каир, — прошептала она, и голос её дрогнул. — Каир, что же ты наделал...

А у входа в святилище, там, где каменные плиты дрогнули и приоткрылись, вцепившись в косяк, стояла маленькая седая фигурка с погасшей лампой в руках. Тауи. И в руках у неё, кроме лампы, был свиток.

Глава 15

Тауи нашла его в последний час.

Пока жрецы уводили Айшу в подземелье, пока готовили ритуал, старая няня, на которую никто не смотрел, обшаривала покои фараона. Сорок лет служения научили её, где царь прячет самое дорогое, — не в сокровищнице, не в тайной зале, а там, где спит: под изголовьем ложа, в нише за изваянием Осириса, куда клали то, что не доверяли никому.

Там, завёрнутый в промасленную ткань, и лежал Свиток истины.

Тауи не умела читать иероглифы жрецов — но она умела читать людей. И когда она развернула свиток и увидела в самом верху, среди знаков, рисунок: змея, а над ней — не клинок, не кровь, а раскрытая ладонь и сердце, — она поняла. Здесь был другой путь. Не жертва. Не кровь. Что-то иное.

Она бежала вниз, в подземелье, так быстро, как только несли её старые ноги, — и успела как раз к тому мигу, когда всё было кончено: фараон застыл золотом, жрецы — камнем, а над телом Каира склонилась исполинская богиня-змея.

Теперь Тауи стояла у входа, и сила богини была ей в лицо жаром и светом, и всё в ней кричало бежать. Но она не побежала. Она сделала шаг вперёд. И другой. Прямо к той, что была её девочкой.

— Айша! — крикнула она, и голос старухи, дрожащий и слабый, каким-то чудом пробился сквозь гул силы. — Айша, дитя моё, послушай меня! Я нашла его! Я нашла свиток!

Богиня-змея повернула к ней пылающую голову. Золотые глаза горели. Но не обратили Тауи в камень.

— Тринадцать лет я приходила к тебе с лампой, — продолжала старуха, поднимая дрожащей рукой свиток. — Тринадцать лет я не могла коснуться тебя, но я любила тебя, как родную дочь. Ты слышишь меня? Сквозь всё это — ты слышишь свою Тауи?

Что-то дрогнуло в пылающих глазах. Древний огонь притух ещё сильнее. И богиня — исполинская, сияющая, страшная — склонила голову к маленькой женщине с лампой.

— Здесь написано, как снять проклятье, — сказала Тауи. Слёзы текли по её морщинистому лицу. — По-настоящему. Не кровью. Не жертвой. Другим путём. И он, — она посмотрела туда, где стояла золотая статуя фараона, воздевшая руки к небу, — он знал. Всё это время знал. Двадцать лет он прятал этот свиток. Он мог освободить тебя ещё девочкой. Он мог не проливать ничьей крови. Но он выбрал держать тебя в темнице, чтобы забрать твою силу себе.

Тауи развернула свиток дрожащими руками. И хотя она не знала иероглифов, знаки вдруг налились смыслом — то ли сила богини помогала ей читать, то ли сам свиток открывался тому, в чьём сердце была любовь.

— «Проклятье Уаджет, — читала Тауи, и голос её креп с каждым словом, — есть сила, что ищет достойного носителя. Оно не снимается кровью, пролитой в страхе. Оно снимается лишь передачей — по любви и по доброй воле. Та, что носит силу, может отдать её тому, кто примет её сердцем. И тогда носительница станет вновь смертной, свободной от бремени, а сила обретёт нового хозяина — того, кого выберет любовь, а не обряд. И если сила отдана тому, кто отдал за неё жизнь, — она вернёт его из-за порога смерти, ибо любовь сильнее её».

Богиня-змея слушала. И по мере того как Тауи читала, исполинское змеиное тело её начинало светиться иначе — мягче, теплее.

— Передать силу, — прошептала она. — Тому, кто примет её сердцем. Тому, кто отдал за неё жизнь.

Она посмотрела на Каира.

Он лежал у алтаря, мёртвый. Не умирающий — мёртвый. Кровь его вытекла на камень, лужа растеклась широким тёмным озером. Лицо восковое. Губы посинели. Глаза закрыты. Раны на груди зияли — фараон исполосовал его тело в безумии, пытаясь заставить силу при-

знать себя. Грудная клетка неподвижна. Сердце молчало. Он был мёртв — по-настоящему, безвозвратно мёртв.

И Айша — теперь это была она, Айша, пробивавшаяся сквозь мощь богини, как росток сквозь камень, — поняла, что должна сделать.

— Свиток говорит: сила может вернуть того, кто отдал за неё жизнь, — произнесла она. — Каир умер за меня — по любви и по доброй воле. Он принёс себя в жертву не для фараона. Для меня. Значит, он и есть тот, кого выбрала любовь.

— Но, дитя, — Тауи подняла на неё полные слёз глаза, начиная понимать, — если ты отдашь ему силу... если она воскресит его и станет его бременем... то ты...

— То я стану обычной смертной, — тихо закончила Айша. — Да, Тауи. Я потеряю силу. Я стану никем — просто девушкой из Мемфиса. — Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, сколько не было во всей её божественной форме. — Но я никогда и не хотела быть богиней. Я хотела только одного. Быть свободной. И чтобы он жил.

— А он согласится нести это? — прошептала Тауи. — Всю жизнь? Прикосновение, что убивает? Одиночество силы?

— Он не будет одинок, — сказала Айша. — Свиток говорит: та, что отдала силу, может касаться того, кто её принял. Кровь фараона в нём и любовь между нами — этого довольно. Как он мог касаться меня, так я смогу касаться его. Мы поменяемся местами, Тауи. Но мы будем вместе. — Её голос дрогнул. — А это всё, чего я когда-либо хотела.

Тауи — верная няня, свет во тьме башни

Она склонилась над Каиром. Огромная, сияющая, богиня в последний свой миг. И вложила всю силу — всю мощь Уаджет, все тринадцать лет заточения, весь свет и всю тьму, что жили в ней, — в этот последний дар.

Золотисто-зелёное сияние потекло от неё к мёртвому телу.

Оно вливалось в его раны, и раны закрывались — одна за другой, плоть срасталась, кожа затягивалась, оставляя лишь тонкие белые шрамы. Оно наполняло его пустые жилы, и кровь возвращалась — тёплая, алая, живая. Оно касалось его остановившегося сердца.

Сердце дрогнуло. Замерло. Дрогнуло снова. Забилося. Раз. Другой. Сильнее.

Грудь Каира вздыбилась — судорожно, глубоко, как вздымается грудь утопленника, вытасченного на берег. Он вдохнул — долго, с хрипом, — и закашлялся, и из горла его вырвался крик, полный боли и изумления разом. Он был жив.

А сама Айша съёживалась.

Исполинское змеиное тело таяло, уменьшалось, чешуя опадала золотой пылью, что рассыпалась в воздухе и гасла. Парящие иероглифы гасли один за другим — свет их мерк, знаки истаявали, пока не осталось ничего. Она уменьшалась, обретая вновь человеческий облик — девушка, просто девушка, с тёмной кожей и чёрными волосами, но теперь без зелёного отлива, без чешуи на скулах, без золотого огня в глазах. Обычные тёмные глаза, человеческие, полные слёз. Смертная.

Последняя искра силы перетекла в Каира. И в тот же миг он открыл глаза — широко, ошарашенно, не понимая, где он, что с ним, почему он жив. Он сел, оглядываясь, — и увидел её.

Айша стояла над ним — маленькая, обессиленная, человеческая, босая. Платье её было в пыли и крови. Волосы растрепались. Лицо мокрое от слёз. Самая обычная девушка, какую можно встретить на любом рынке Мемфиса. И самая прекрасная.

— Айша? — прохрипел он, хватаясь за алтарь, пытаясь подняться. — Что... что ты сделала?

Она опустилась перед ним на колени. И заплакала — обычными человеческими слезами, солёными, тёплыми, живыми.

— Я вернула тебя, — прошептала она сквозь слёзы. — Ты умер за меня. Я не могла... я не смогла бы жить, зная, что ты...

Каир смотрел на неё, потом на свои руки. На груди его, там, где у Айши тринадцать лет висел амулет, проступил тонкий узор — золотисто-зелёная змея, обвившаяся вокруг сердца. Метка нового носителя. Он почувствовал её внутри — силу, огромную, древнюю, спящую, ждущую.

— Ты отдала мне силу, — понял он. — Айша, теперь я... я не смогу касаться никого. Никого, кроме... — Он посмотрел на неё. — Кроме тебя?

Она кивнула, всхлипывая.

— Только меня. Свиток говорит... та, что отдала силу, может касаться того, кто её принял. Мы сможем, Каир. Быть вместе. Ты и я. — Она протянула к нему дрожащую руку. — Позволь мне... позволь мне коснуться тебя. Доказать, что это правда.

Он смотрел на её руку. Потом на её лицо — мокрое, измученное, светящееся изнутри той любовью, что не нуждается в словах. И он взял её за руку. Кожа к коже.

Ничего не случилось. Ничего, кроме тепла двух живых ладоней, впервые встретившихся без страха, без силы, без проклятья.

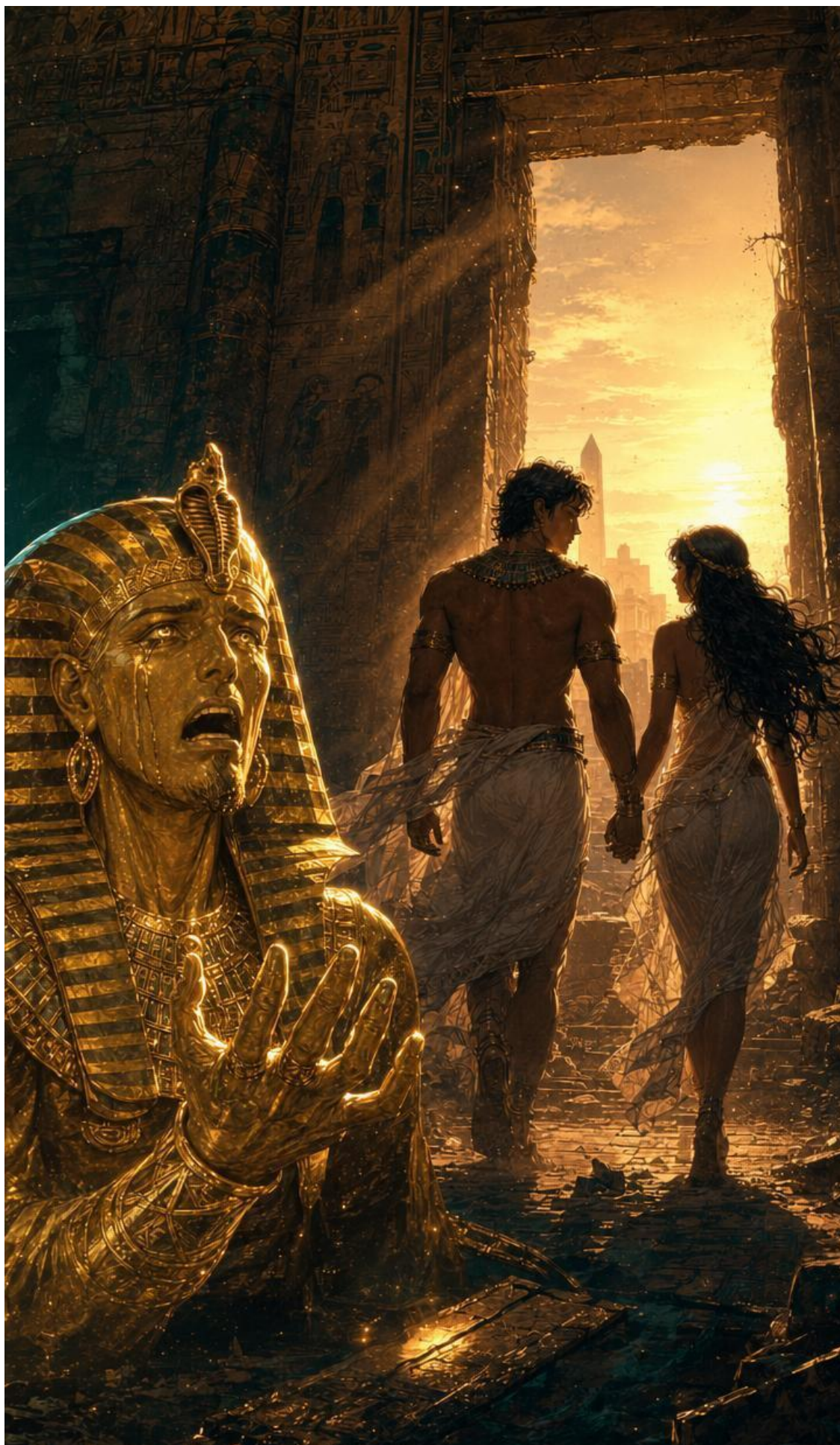
Он притянул её к себе — крепко, отчаянно, — и она прижалась к его груди, слушая, как бьётся воскресшее сердце, и плакала, и смеялась разом, и он целовал её волосы, и они держали друг друга так, будто весь мир вокруг мог рухнуть, а они этого не заметят.

Позади них, в тени, дрогнула белая ткань. Советник, всё это время наблюдавший из угла, тихо, незаметно двинулся к выходу — прочь, из подземелья, из дворца, туда, где тайны ещё можно продать. Но Тауи заступила ему дорогу, подняв свою лампу.

— Стой, — сказала старая няня. И в голосе её было столько силы, сколько бывает у тех, кто ничего больше не боится. — Твой господин — золото. Твои тайны больше ничего не стоят. Уходи из этого города и не возвращайся, тень. Свет пришёл во дворец.

И советник — интриган, что всю жизнь торговал секретами, — впервые не нашёл, что ответить. Он посмотрел на золотую статую фараона, на воскресшего Каира, на смертную Айшу и старуху с лампой. И понял, что проиграл всё. Молча запахнул белые одежды и растворился в темноте коридоров — навсегда.

Глава 16

Они вышли из подземелья на рассвете.

Солнце вставало над Мемфисом — то самое солнце, которое Айша видела тринадцать лет лишь узким лучом на полу башни. Теперь оно было ей в лицо, в полную силу, тёплое и ослепительное, и она стояла на верхней ступени дворцовой лестницы, подставив ему щёки, и не могла надышаться.

— Тепло, — прошептала она, и слёзы снова текли, но это были другие слёзы. — Тауи. Оно правда тёплое. Ты не обманывала.

Старуха стояла рядом, опираясь на её руку, — и впервые за тринадцать лет могла держать свою девочку за руку, гладить её по волосам, обнимать. Она обнимала её теперь так, будто наверстывала все те годы, когда между ними была ладонь пустоты.

— Тёплое, дитя, — смеялась и плакала Тауи. — И гранаты сладкие. И пряности пахнут. Всё правда. Всё, что я тебе рассказывала. Теперь ты увидишь сама.

Каир стоял чуть в стороне. Он смотрел на восходящее солнце и держал руку у груди, там, где под тканью проступала золотисто-зелёная змея. Теперь бремя было на нём. Теперь его прикосновение несло смерть всякому, кроме одной — той, что отдала ему эту силу по любви.

Он чувствовал её внутри — древнюю, спящую, огромную. Она не пугала его. Он был воином; он знал, что такое нести оружие и не пускать его в ход без нужды. Сила Уаджет была теперь его мечом — и его долгом.

Айша подошла к нему. Взяла его лицо в ладони — она могла, только она одна во всём мире.

— Тебе страшно? — тихо спросила она.

— Нет, — ответил он. И это была правда. — Я знаю, каково это теперь. Ты несла это тринадцать лет одна, в темноте. А я буду нести это с тобой. На солнце. — Он накрыл её руки своими. — Твоя мать была права, Айша. Помнишь? Только любовь сдержит силу. Ты сдерживала её любовью. Сдержу и я.

Они не остались во дворце. Золотой трон, полный курений зал, подземное святилище с застывшей статуей человека, что хотел стать богом, — всё это они оставили жрецам и писцам, что будут веками ломать голову над случившимся.

Айша, Каир и Тауи ушли из Мемфиса на закате того же дня. Они шли на восток, к тем пескам, о которых Каир рассказывал ей бессонными вечерами, — к простору, к рассветам над жёлтой равниной, к жизни, которую ни один из них не смел себе представить.

Айша шла и трогала всё, что встречала. Шершавую кору пальмы. Прохладную воду в чаше. Тёплый бок ослика, что вёз их нехитрый скарб. Тринадцать лет она не могла коснуться мира, не убив, — а теперь мир был весь в её руках, живой и невредимый под её пальцами. Она смеялась от каждого нового прикосновения, как ребёнок, и Каир смотрел на неё, и в глазах его была та же радость.

Они не знали, что ждёт их впереди. Сила в Каире дремала, но однажды, через сто лет или больше, она снова потребует своего — потребует носителя, потребует выбора. Проклятье не исчезло; оно лишь сменило хозяина и научилось жить в мире, а не в страхе. Но это была забота грядущих дней.

Сейчас же было только солнце, садящееся за пески. Только тёплый ветер. Только три фигуры на дороге — воскресший юноша с меткой змеи на сердце, старая няня с погасшей, ненужной больше лампой, и девушка, что тринадцать лет мечтала разрушить стены и наконец разрушила их — не силой богини, а силой любви.

— Однажды я разрушу эти стены, — тихо проговорила Айша, оглядываясь на далёкий, тающий в закатной дымке Мемфис.

— Ты разрушила, — сказал Каир, беря её за руку.

— Нет. — Она улыбнулась и посмотрела на него — на человека, за которого умерла бы и который умер за неё. — Мы разрушили.

И они пошли дальше, на восток, туда, где вставало и садилось солнце, — свободные, смертные, живые. А позади, в опустевшем дворце, стояла золотая статуя, воздев руки в приказе, которого никто не услышит.

Ибо истинная сила, как и говорила когда-то мать у окна маленького дома в Мемфисе, рождается не из страха и не из власти.

Она рождается из любви. И из жертвы, принесённой по доброй воле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.